

ВОЗ
ВРА
ЩЕ
НИЕ

ВЛАДИМИР БРИГИНЕЦ

16+

Владимир Бригинец

Возвращение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48709051

SelfPub; 2019

Аннотация

Проснувшись рано утром Том Андерс осознал, что его жизнь – это всего-лишь иллюзия. Вокруг пустые, незнакомые лица, а грань между сном и реальностью окончательно размыта. Он пытается вспомнить самого себя, старается найти дорогу домой, но все сильнее проваливается в пучину безысходности и абсурда.

Содержание

Глава 1. Важно только то, что ты чувствуешь	5
1.	5
2.	12
3.	19
4.	25
Глава 2. В комнате, запертой изнутри	29
1.	29
2.	37
3.	43
4.	49
Глава 3. Наваждение	55
1.	55
2.	59
3.	63
4.	69
5.	75
Глава 4. Я не здесь	82
1.	82
2.	88
3.	92
4.	99
5.	107

В оформлении обложки использован шаблон из бесплатного архива приложения для смартфонов CANVA. Авторы шаблонов не указаны.

Canva – кросс-платформенный сервис для графического дизайна, основанный в 2012 году. Создание изображений в сервисе строится на принципе перетаскивания готовых элементов и варьировании изменяемых шаблонов. Графический редактор даёт доступ к встроенной библиотеке шаблонов, стоковых фотографий, иллюстраций и шрифтов. Сервис адресован как рядовым пользователям, так и профессионалам дизайна и цифрового маркетинга[1]. На платформе можно создавать как изображения для публикации в интернете, так и макеты для полиграфической продукции. (прим. Википедия)

Глава 1. Важно только то, что ты чувствуешь

1.

Играла странная музыка. По улице несли гроб. Похоронная колонна корявым, шатающимся из стороны в сторону строем проследовала мимо моего спящего тела. Все участники этой унылой процессии были облачены в черную, траурную одежду, и только у некоторых просматривались белые воротнички.

Кого хоронят? Меня? Или это был кто-то другой?

Скорее всего кто-то другой.

Пробудившись, я медленно открыл глаза, вдохнул свежего, уличного воздуха и поднялся с лавочки. На подмостки рухнула пустая бутылка. Разбилась вдребезги. Мне показалось, что неловким жестом я привлек ненужное внимание участников шествия, однако это было не так. Люди проходили мимо, устремив взгляды в пол.

Оно и к лучшему. Их надменные, скорбные лица были мне настолько противны, насколько это вообще возможно. Они просто плелись вслед за гробом, водруженным на плечи шестерым крепким мужчинам.

Вчера всё было иначе. Было гораздо веселее. Мы пили портвейн и курили какой-то дешёвый табак, привезенный Руфусом из дальних стран. Да и пошло оно всё к черту. Сейчас очень сильно болит голова и во рту стоит какой-то мерзкий привкус резины.

Я закутался в свой рваный коричневый пиджак, обмотал горло красным пушистым шарфом и некоторое время наблюдал, как унылая колонна проплывает мимо меня. Потом я представил себя на месте покойника. Лежу себе в обитом бархатом ящике, сложил руки на груди, весь такой нарядный, довольный, помолодевший. Люди скорбят по мне, тянут свои потные руки в мою сторону, но мне не хочется их пожимать. Довольно с меня подобных действий. В день похорон будьте добры – оставьте меня в покое.

Кто вообще сказал, что мне хотелось бы уйти под звуки такого корявого оркестра, участники которого совершенно не попадают в ноты, а некоторые из них даже не стараются этого сделать. Они идут позади всех, чеканя шаг лакированными туфлями по мостовой. Звук такой противный, такой громкий, что хочется выть. Вот и завыл бы, лежа в ящике. Завыл, а все эти люди завыли бы вместе со мной. Так мы бы и шли, воя, подобно раненым животным.

Я поднялся с лавочки, засунул руки в карманы брюк и пошел следом за колонной.

Осенний воздух был невероятно свеж. Раннее утро. От воды поднимается медленный пар, и пахнет орхидеями. Кры-

ши домов еще не успели принять солнечные лучи, старательно протискивающиеся сквозь свинцовую завесу туч. Мне кажется, я плыл среди всего этого великолепия, сам того не замечая. Все мы плывем на волнах блаженства, даже не подозревая о том, что представляем собой частичку мира, крохотную молекулу, без которой мозаика была бы не завершена. Вот и я, подобно кусочку мозаики, просто искал, куда бы приткнуться, чтобы получилось хорошо.

Потом один из трубачей попросил у меня закурить. Мне пришлось его огорчить, сказав, что не ношу с собой папирос. Он уныло опустил глаза и, казалось, напрочь лишился желания участвовать в шествии. Его толстые щеки то и дело подпрыгивали при каждом шаге, создавая комичное впечатление о своем владельце.

Так мы и брели по узким городским улочкам долгое время. Добравшись до кладбища, где гроб уже поджидали могильщики, колонна рассосалась – люди обступили яму и пристально следили за каждым движением рук двух не выпавшихся молодчиков, ловко опустивших гроб в могилу и закидавших его сырой землей. Вновь играла музыка, сквозь которую слышались вопли убитых горем женщин. Маленькие дети, которых непонятно для чего притащили сюда в такую рань, принялись играть в салочки, бегая от одной надгробной плиты к другой, а я просто стоял в стороне, иногда поглядывая на лица всех этих людей, пришедших сюда в скорби.

Потом я отправился к Руфусу, чтобы попросить у него немного чудесного заморского табака, от которого во рту вязало. Он жил неподалеку, и к моему приходу развешивал постиранное белье на веревку, натянутую меж двух столбов во дворе дома.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – справился он о моем здоровье.

– Как обычно. – Я улыбнулся своей небритой физиономией. – Можно одолжить у тебя того странного табака?

– Увы, друг мой, вчера мы его прикончили.

Он тоже улыбался, только выглядело это более естественно.

– Может, хочешь кофе? – поинтересовался Руфус. – Марта сварила отличный кофе...

– Как я оказался на этой лавочке, у фонтана? – перебил его я.

– Ты вчера куда-то пропал. Вернее, ты сказал, что пойдешь домой, и ушел. Видимо, до дома ты не добрался.

– Жанна будет злиться.

– Она точно тебя прикончит.

– Она точно меня прикончит, – повторил я вслед за другом, впившись глазами в одну точку. – И что мне делать?

– Ничего. По-моему, вам пора разводиться, друг мой.

– Но у нее никого нет, кроме меня. – Я помог Руфусу повесить пару рубашек. – Как же я могу ее оставить?

– Она справится, за себя лучше волнуйся.

– И то верно. – Я чихнул. Воздух был чересчур свеж. – Сейчас бы закурить, а нету.

После этого ноги потащили меня домой. К жене.

Она еще спала.

Дом у нас был старый, двухэтажный. Район тоже оставлял желать лучшего, однако после войны весь город пребывал в каком-то странном состоянии.

Я повесил свои вещи на спинку стула, умылся в тазу холодной водой, после чего забрался под одеяло к жене.

– Ты такая теплая, – прошептал я, стараясь прижаться к ней всем телом.

– Мне нужен развод.

Слова ужалили меня в самое сердце. Не то чтобы я не ожидал чего-то подобного, но все же мы вечно откладываем важные разговоры на потом, совершенно забывая о том, что завтрашний день имеет свойство становиться сегодняшним. Именно по этой причине Жанна вмиг показалась мне слишком серьезной.

– В стране кризис, дорогая, как ты можешь думать о разводе в такое нелегкое для всех нас время?

– Перестань ерничать, Том! Ты прекрасно знаешь, что так дальше жить нельзя.

Она поднялась с кровати, накинула халат, после чего закурила папиросу.

– Отпусти меня, пожалуйста! – Ее глаза выглядели грустными. В них не было больше ни капельки любви ко мне, к

этому дому, к этой жизни.

Я уткнулся лицом в подушку, захотел закричать на весь дом, но испугался, что охрипну. Жанна выпускала изо рта клубы едкого дыма и пристально наблюдала за моими движениями.

– Это уже край, Том. Финал. Дальше ничего не будет, понимаешь?

– Как-то не очень.

– А ты попробуй трезво взглянуть на всю эту ситуацию, хотя бы раз в жизни. – Она была сердита, даже слишком.

– Я сегодня видел, как по улице несли гроб. Знаешь, о чем я подумал?

– Да.

– О том, как хорошо, что мы живы и здоровы, моя милая. – Сказав эти слова, я звонко рассмеялся, потом закашлял и вновь уткнулся лицом в подушку.

Она потушила окурок, поднялась со стула и уселась на кровать, напротив меня. От нее пахло домом, уютом, утраченным доверием ко мне. Я хотел ее обнять, поцеловать, заняться с ней любовью, но только вот дальше мыслей дело не пошло.

– Чего ты хочешь, Том?

– Вообще или сейчас?

– Тебе нравится меня мучить? О чем ты вообще думаешь?

Где ты летаешь, Том?

– Не здесь, это точно. – Я быстро устаю от подобных раз-

говоров. Они пусты и лишены всякого смысла. Это, как если бы обреченному на смерть человеку рассказывали о возможных путях спасения, которые он упустил. – Ладно, хватит. Давай позавтракаем и дальше видно будет.

2.

На чердаке нашего дома располагалась крохотная студия, в которой жена проводила большую часть своего времени. Она рисовала картины. Маслом, иногда просто карандашом. Мне никогда не приходило в голову, что это занятие значит для нее гораздо больше, нежели просто морение холстов. Иногда я наблюдал за ее работой, видел, как дрожат пальцы, как медленно опускаются ресницы, и пытался представить, о чем она думает. Не всегда получалось. Однажды ей удалось продать несколько своих картин, что принесло нашей крохотной семье приличную сумму денег. Мне кажется, в тот день я был рад ее успеху, радовался вместе с ней, осознавая, что счастье будет недолгим.

Вот и сейчас передо мной, на тарелке, лежит завтрак. Обыкновенная яичница, с каким-то подобием бекона. В стакане апельсиновый сок, а за окном утренний ветер срывает с деревьев золотистую листву.

Жанна стояла напротив, прислонившись к стене, и курила. Такой она мне не нравилась. Такой она напоминала мне о том, что иногда приходится принимать взрослые решения.

– После обеда нужно забрать Сагиту из школы, – сказала она, стряхивая пепел прямо на пол.

– Хорошо.

– Ты сделаешь это?

– Да.

– Что насчет работы, Том? – внезапно поинтересовалась она.

– Руфус сказал, что в скором времени в город приедет какой-то парень, которому требуются настоящие музыканты. Я мог бы попробовать себя в его постановке.

– Писать музыку для спектаклей?

– Вроде бы да. – Мне пришлось приступить к поеданию завтрака, ибо он начал остывать.

– Может, лучше вернешься в магазин?

– Я еще не уволился оттуда, – уточнил я.

– Тем более. Это стабильный заработок...

– Там воняет тухлятиной.

– И что? – Она развела руки в стороны. – Вечно тебе что-то не нравится. А деньги кто будет зарабатывать? Может, хоть раз в жизни попробуешь стать взрослым?

– Сомнительное предложение, – произнес я, уткнувшись взглядом в яичницу.

– Знаешь, что, мой милый, – Жанна подошло ближе. – Ты слишком большого о себе мнения. И тема с разводом еще не закрыта!

Я постарался пропустить мимо ушей эти слова. Потом я услышал, как она поднялась на чердак, громко хлопнула дверь и уселась за написание картин. Интересно, что же на этот раз намалует эта взбалмошная женщина?

Спустя некоторое время я отправился в школу, чтобы за-

брать оттуда нашу племянницу, Сагиту. Шестнадцатилетнюю девочку, у которой были русые волосы, иногда заплетенные в косички, стройные ноги и какой-то странный, взрослый характер, вызывающий у меня волнение. Она занималась танцами. Сейчас модно заниматься танцами, это просто бум какой-то. Все стараются найти способ самовыражения на сцене. Крутятся, вертятся, одеваются в странные наряды и красятся, как последние проститутки. Сагита любила быть в центре внимания, любила валять дурака, заставляя меня краснеть перед людьми. Жена покупала ей хорошие вещи, приличные костюмы, юбки и платья, и эта мелкая стервозина постоянно крутилась перед зеркалом, воображая себя звездой бродвейской постановки.

До школы я добрался на велосипеде. Стареньком, еще довоенном. У него была слегка погнута рама, да и звонок, прикрепленный к рулю, практически не звучал. Мне нравилось передвигаться на этом транспорте. Бесшумный, малозаметный, да и к тому же популярный в нашем городе. Раньше он принадлежал жене Руфуса, но она отдала его мне после того, как упала с него и сломала ключицу.

Сагиту я обнаружил на заднем дворе, она, вместе с подругами из кружка по танцам, хоронила крохотную золотую рыбку. Рыбка еще была живой, жадно виляла хвостом, выкатывала глаза и судорожно хватала ртом воздух, непригодный для ее жабр. Подойдя ближе и прислонившись к высокому дереву, я просто наблюдал за тем, как девушки развлека-

каются. Они что-то кричали, смеялись, старались казаться занятыми, но, само собой, занимались этой ерундой исключительно от скуки.

Когда ко мне подошла дама, в строгих серебристых очках и накинутом на плечи разноцветном платке, я смущенно поздоровался.

– Господин Андерс, рада вас видеть, – тут же произнесла она. Я слегка пожал ей руку.

– Вы это поощряете? – в свою очередь решил осведомиться я.

– Что именно?

– Развлечение.

– Ах это. – Она улыбнулась и поправила очки. – Это всего лишь невинные забавы. Хорошо, что они не якшаются с мальчиками. В таком случае было бы гораздо опаснее оставлять их одних.

Я был вынужден согласиться с этими словами.

– Как успехи у Сагиты?

– О, она чудный ребенок. Мне кажется, вам следует отнестись к ней с большим пониманием.

– В каком смысле? – не понял я.

– Сагита рассказывала, что вы не обращаете на нее внимание. Практически не появляетесь дома, часто ссоритесь с супругой. Кем вы работаете, мистер Андерс?

– Хм, ну я продавец в мясной лавке.

– Отчего же вы сейчас не там?

– Не знаю, – усмехнулся я. – У вас не будет папиросы?
Женщина покачала головой.

– У Сагиты большие успехи в танцах. Советую вам беречь такой бриллиант, может быть, в скором будущем она станет знаменитой.

– Этого я и боюсь.

Дама возмущенно фыркнула, после чего развернулась и удалилась прочь.

Я вновь стал наблюдать за тем, как девушки хоронят рыбку. Они закопали ее в неглубокую ямку, произнесли надгробную речь и разошлись. Выглядело очень странно, а главное – совершенно бесполезно. Мне даже показалось, что откуда-то донеслись звуки корявого оркестра, сопровождающего все погребальные процессы в этом городе.

Я помахал племяннице рукой. Она улыбнулась в ответ.

– Как у тебя дела, Том?

– Лучше всех.

— Ты выглядишь усталым. Где ты был этой ночью?

– Не знаю.

– Как Жанна?

– Как обычно. Ворчит.

– Может быть, поедим мороженого?

– Пошли.

И мы отправились за мороженым.

У нас было одно место, на городской площади, где мы часто наблюдали за тем, как голуби собираются стайкой и под-

бирают хлебные крошки с мостовой. Я купил девушке клубничное мороженое, а себе шоколадное. Усевшись на лавочку, она принялась жадно облизывать лакомство, совершенно не замечая того, что сладость капает ей на юбку.

– Вы разведетесь? – внезапно спросила она, глядя в другую сторону.

– Наверное.

– И тебе все равно?

– Нет, ну а что я могу поделаться? – мне не хотелось начинать этот пустой разговор.

– Кажется у нее кто-то есть.

– Мужчина?

– Да.

– Ты знаешь, кто это?

– Какой-то парень, с маленькими, противными усами. Такой слащавый, но милый. – Сагита улыбнулась, вновь проведя языком по поверхности мороженого.

– Да и черт с ними, – огорчился я, выбрасывая свою порция в урну.

Потом мы отправились домой. Молча. Девушка шла чуть впереди, позволяя мне любоваться ее стройными ногами и яркой талией. Я думал о том, как она ворвалась в нашу жизнь, совсем юная, оставшаяся без родителей. А вот о чем думала Сагита, мне было не известно. Она просто шла впереди меня, иногда оборачиваясь. Пританцовывала, воображая, что идет по подиуму. Такой красивый ребенок, у кото-

рого не было ничего, только мечты.

3.

Задний двор нашего дома был безобразно усыпан пожелтевшими листьями. Жанна давно настаивала на том, чтобы я нашел время для уборки, но мне было не до этого. Так часто бывает, можно месяцами заставлять себя что-либо сделать, но так и не суметь пошевелить и пальцем.

Я положил ранец Сагиты на стул, в гостиной, а сам вышел во двор, пытаясь в очередной раз назначить самому себе срок сдачи участка хозяйке. Несколько дворовых котов уныло шатались по грязной траве, то и дело припадая к земле и вслушиваясь в каждый шорох, происходящий вокруг них. Они напоминали мне жалких воришек, решивших стащить из музея какую-то ценность, но не знающие, где точно она располагается. Такой у них был растерянный вид. Я запустил в их сторону маленький камень – животные тут же разбежались кто куда.

Здесь можно было подумать над темой развода. Он был неизбежен, как пробуждение после бурной пьянки, когда болит все тело, а в голове постепенно проявляются картинки, объясняющие твое паршивое, душевное состояние. Да, пожалуй, брак можно сравнить с этим чувством. Мне хотелось его с этим сравнивать, чтобы хоть что-то почувствовать. Странно, но порой трудно признаться в том, что ты обычный человек, даже находясь один на один с самим собой. Что

ты тоже можешь грустить, переживать и радоваться победам. Но мы так часто привыкли облачать себя в маски желаемого, что совсем позабыли о сути, о том, кто мы и на что способны.

Я знал, что добром все это не кончится. Жанна обязательно доведет ситуацию до абсурда, а я просто закрою глаза на всё это. Отмахнусь, отгорожусь стеклянной стеной, постепенно убедив себя в том, что всё это происходит не со мной. Так всегда бывало проще пережить неудачи. А разрыв – это обыкновенная неудача.

Усевшись на деревянную лавку у забора, я закрыл глаза.

Вспомнил войну, вспомнил, как было тяжело. Вспомнил, каким юнцом я был. Вообще тогда всё давалось мне нелегко, в первую очередь было трудно понять, что от меня требуется, какова моя миссия. Да и какая у меня могла быть миссия, если всё, что мы делали изо дня в день, – это то, что мы выживали. Двух моих приятелей посадили на штыки, а одного приговорили к расстрелу за воровство съестной продукции со склада. Когда я вспоминаю его выражение лица, в момент поедания добытой тушенки, мне становится понятно, почему он так поступил. В тот миг он был свободен, а я нет. Я забыл его имя, но не забыл его довольную улыбку.

Жанна нашла меня много позже войны. Мы вместе лишь пять лет. Она тогда была одета в желтое платье, на улице было лето, и по радио, рупоры которого располагались в разных частях города, играла старая, но очень красивая песня. Я еще тогда носил бороду, которая жутко раздражала буду-

щую жену. Вызывала раздражение. Именно по этой причине уже на второе свидание я пришел гладковыбритый, приправленный ядреным, новым одеколоном. Жанна сказала, что находит меня весьма элегантным, а мне просто было приятно пройтись по городским улочкам с молоденькой, симпатичной девушкой.

А теперь эта девушка плюет мне в лицо и говорит о том, что я стал пустым местом.

Пришлось открыть глаза и заползти обратно внутрь дома.

Сагита тренировалась у себя в комнате. Она до одури повторяла какие-то танцевальные движения, от которых у любого другого человека голова пошла бы кругом. Но только не у нее. Ее таланту, а главное, стремлению можно было только позавидовать.

– Как успехи? – спросил я чуть позже.

Сагита обернулась на звук моего голоса. По ее лицу стекали струйки пота.

– Ты меня напугал. – Она плюхнулась на кровать, жадно дыша.

– Прости. Ты так старалась, не хотел тебе мешать.

– Да, иногда я ухожу в себя. – Девушка вытерла мокрый лоб.

Я уселся на пол, прислонившись спиной к ее кровати.

– Чем занята Жанна?

– Кажется, рисует. – Я закрыл глаза, хотелось спать.

– Она часто рисует – в последнее время.

– Это же хорошо, ты так не считаешь?

– Хорошо, – повторила она и вздохнула. – Вечером я иду с подругами гулять, но не волнуйся, допоздна не задержусь.

Я дал добро на это дело. Всё лучше, чем сидеть здесь и слушать эту тишину.

Вечером на прогулку отправился и я.

Было прохладно. Руфус пришел с парочкой своих ребят, и мы все вместе отправились в бар, где хорошенько нажидались вином. Потом поперлись на корабельную пристань.

Город был портовым, и в доках в позднее время суток можно было запросто напороться на всякого рода шваль, начиная с проституток и заканчивая ублюдками, отрезавшими уши у мертвого тела. Такое, конечно, редко случалось, но тем не менее зла в этом городишке хватало.

С моря дул резкий, опьяняющий ветер. Я вдыхал его полной грудью и изредка поднимал голову вверх, чтобы разглядеть бледные звезды, слабо просматривающиеся сквозь завесу туч. Но они были там, за всеми этими облаками, и готовились в любой момент свалиться на землю. Странные они какие-то, эти самые звезды.

Мы прикончили несколько бутылок вина, а потом еще какое-то время играли на гармошке и гитаре. Вокруг нас собрался малочисленный народ, состоящий из изрядно напившихся молодых людей и их девушек. Они подпевали знакомым мелодиям, хлопали и рассказывали свои несуразные истории. Чуть позже мне захотелось спать и, прислонившись

спиной к холодной, бетонной плите, я задремал.

Очнулся от приступа тошноты. Тут же вывернул всё содержимое моего желудка наружу, вытер губы и побрел сонной походкой в сторону дома.

Город спал. Была ночь. Вроде часов двенадцать. Фонари горели, как самое настоящее пламя. Ориентируясь на их вызывающее свечение, я выпрыгивал из темноты на освещенные улицы, хватаясь руками за всё, что только можно, лишь бы сохранить равновесие.

Добравшись до своего дома, я неторопливо проник внутрь, скинул обувь, снял верхнюю одежду и пошел на кухню, чтобы попить воды.

Жанна была не одна. На столе стояло два бокала и початая бутылка вина. Я налил себе немного и уселся на стул, пытаюсь осмыслить происходящее.

Они были в спальне. За стенкой. Я слышал, как они занимались любовью. По телу бегали мурашки, к горлу вновь подкатила тошнота, но я не позволил себе расслабиться, просто достал из кармана брюк папиросу, но закурить так и не удалось, поскольку спичек нигде не было.

Потом в дверном проеме появилась высокая фигура. Это был мужчина, он заметил меня и замер.

– У тебя есть спички? – поинтересовался я.

Он кивнул и, порывшись в кармане своего пальто, протянул мне коробок.

– Спасибо.

Я закурил и вернул ему спички.

– Как дела? – спросил он.

– Я сейчас мало соображаю, слишком много выпил.

Мужчина понимающе кивнул.

– Ты не волнуйся, я сейчас уйду.

– Да нет, ничего, всё нормально. – Я выдохнул из легких дым и попытался улыбнуться.

– Знаешь, Жанна говорила, что ты ищешь работу...

– Правда? Впервые о таком слышу.

Он недоумевающе вздохнул и удалился обратно в комнату.

Кажется, потом я вырубился, поскольку так и не услышал звука закрывающейся двери и ругани жены насчет всего этого.

Утром меня разбудила Сагита. Она подошла ко мне сзади и обняла за шею. У нее были превосходные, холодные руки. Приятное ощущение.

– Очень больно? – спросила девушка.

– Нормально, – ответил я, мысленно извиняясь перед ней за свое равнодушие.

4.

Наверное, в лицах людей я был, есть и навсегда останусь жалким, никчемным доходягой, который настолько паршив, что даже не в состоянии достойно отреагировать на измену жены. Мне бы хотелось высказаться с высокой трибуны, встать во весь рост и громко заявить, что всё это вздор, я способен на разного рода возражения, могу как следует начистить морду любому проходимцу, посягнувшему на уют в моём жилище, но вот проблема всегда состояла в том, что подобного рода деятельность вызывала во мне презрение, смех и, конечно же, приступ тошноты.

Пару дней я бесцельно скитался по улицам города, попивая непонятную бодягу из приватизированной у Руфуса армейской фляги. Ночевал в порту, в окружении чаек и корабельных канатов, которые насквозь провоняли мазутом и другими, не менее приятными видами смазок.

Постоянно хотелось спать. Весьма скверное чувство, непонятное, словно ты никак не можешь открыть глаза и взглянуть на свою жизнь взрослым взглядом.

Я вернулся домой, улегся в кровать, зарылся в простыни с головой, чувствуя, как сквозь открытое окно в комнату просачивается холодный, чересчур свежий воздух.

Когда я проснулся, был уже вечер, но в спальне по-прежнему царил мрак. Часы, висевшие на стене напротив, пре-

кратили свой ход, не было слышно их тиканья. Поднявшись с кровати, я медленными шагами спустился вниз, на кухню, где Сагита вместе с моей женой пили чай.

Они старались не обращать на меня никакого внимания. Пустое место.

– Я думала, ты больше сюда не вернешься, – как-то равнодушно произнесла Жанна.

– Тебе бы этого хотелось, да? – усмехнулся я, наливая в стакан воды. – Мне же нужно где-то спать, это мой дом...

– Прими душ, от тебя воняет! – огрызнулась она, после чего поднялась со стула и принялась мыть чашку.

Я понюхал подмышки, только осторожно, чтобы этого не заметила Сагита. Девушка сидела спиной ко мне, продолжая пить горячий чай.

Затем я отправился в ванную, скинул с себя вонючую одежду, встал под еле теплые струйки воды, пытаюсь отрешиться от всего происходящего вокруг. Жанна тихо подошла ко мне. Нас разделяла только душевая занавеска.

– Долго этот цирк будет продолжаться? – спросила она меня.

– Какой?

– Твое упорство. Сколько ты еще будешь терпеть?

– Не знаю, а ты?

– Хватит хохмить! Вечно всё в шутку переводишь. Завтра уйдешь, ясно? Просто уйдешь и никогда сюда не вернешься. – Потом добавила. – Так будет лучше, ты это знаешь.

До того момента я не знал, кому от этого будет лучше. Мне

или ей, но в тот момент мне вновь ужасно захотелось спать. Я выключил воду, отдернул занавеску, накинул на себя полотенце и прошел мимо жены, игнорируя все ее доводы.

Она, конечно же, была права, я не могу заставить себя серьезно подойти к решению любой проблемы. Такая детская нерешительность, чувство страха перед всем. Мол, если об этом не думать, то всё случится само собой. Словно маленький пугливый мальчик, которому до боли не хочется отпустить поводок с собакой, зная, что он больше никогда не вернется в его руку. А ее взгляд был еще более пленяющим, только тогда я этого еще не понимал. Он остался со мной навсегда.

Половину ночи я провалялся на своей половине кровати, вглядываясь в темноту. Чувство одиночества подкрадывалось незаметно. Оно подползало, как невиданное зло, готовое вцепиться в глотку мертвой хваткой. Осознание того, что уже завтра мне придется уйти и забыть навсегда адрес этого дома, испугало меня не сразу. Хотелось укунить свою руку до крови, закричать что есть сил, но потом случился отлив, мысли пришли в порядок, и я просто уснул.

Рано утром собрал все свои вещи в старый чемодан, позавтракал и проводил Сагиту в школу.

Всю дорогу она молчала, шла рядом, но молчала. Я тоже не знал, что ей сказать, как разрядить обстановку. Она всегда казалась такой умной, сдержанной девушкой, у которой всё в голове расставлено по полочкам, но в тот момент Саги-

та предстала предо мной в образе ребенка, который просто идет в школу, к свои подружкам и учителям и жутко боится получить плохую отметку.

Возле узорной калитки – у входа на территорию учебного заведения, девушка остановилась. Ветер трепал ее волосы, и ей пришлось поправить их, убрав за ухо.

– Ты будешь в порядке? – спросила она.

Я пожал плечами.

– Ты только не пропадай, ладно? Просто приходи сюда, ко мне, или давай будем видеться на набережной– хочешь? Скажем, каждую среду. – Она попыталась улыбнуться. В конце концов никто же не умер, что за трагедия.

– Не волнуйся, я буду тебя навещать, – ответил я и обнял ее.

Потом она убежала на занятия.

Я выдохнул из легких воздух, прогнал грусть и зашагал в сторону мясной лавки, где все еще числился мясником.

Глава 2. В комнате, запертой изнутри

1.

Клиентов в лавке последнее время было многовато, можно даже сказать, что у мистера Чегга дела пошли на лад. Он никогда не опускал руки и старался выжить максимум из любой ситуации.

Конечно же, ему пришлось хорошенько пропесочить меня за такое небрежное отношение к работе. Я не появлялся здесь уже больше недели, но враньё относительно моей резкой и довольно продолжительной болезни сработало. Мистер Чегг не успел найти мне замену, поэтому швырнул в мою сторону зелёный фартук и велел отправляться в разделочный цех. Настало время приступать к разделыванию мяса.

По правде говоря, не так уж много я знал об этом выдающемся ремесле, просто умел хорошо обращаться с ножом, всегда нарезал ровные, годные куски. Был аккуратен, оставлял рабочее место в порядке, в общем – был парнем без придинок.

Обычно всё происходило по классическому сценарию –

часа четыре кряду с абсолютным безразличием к делу у кромсал холодное мясо, после чего выставлял товар на витрину. Потом у меня был перерыв. Я покупал несколько сэндвичей в булочной через дорогу, так же приобретал клюквенный морс у пожилой дамы, в соседнем от нас магазине, и усаживался в подсобном помещении, стараясь не привлекать к себе особого внимания со стороны начальства.

На стене всегда весел календарь, такой старый, потрепанный, со слегка пожелтевшими листами. На нем была изображена полуголая девица, в чудесных чулках с бантиками. Она подмигивала мне. Забавная девушка, напоминающая мне о том, что в мире есть нечто прекрасное, светлое, способное подарить улыбку с первого взгляда.

После семи вечера мясная лавка закрывалась. Иногда мистер Чегг разрешал мне брать домой небольшие куски отбивных или же бекон, за который он потом даже не вычитал из зарплаты, но в этот раз щедрость подобного рода не проявилась. Он сухо попрощался со мной, поинтересовавшись, собираюсь ли я появиться здесь в ближайший месяц. Я улыбнулся, оценив шутку, и пообещал, что прибуду завтра к девяти, без опозданий. Его суровое, усатое лицо на миг просияло, потом вновь окаменело.

Затем я отправился к Руфусу.

– Пустишь переночевать? – спросил я, как только мы закурили.

Он выглядел уставшим.

– Хорошо.

– Спасибо.

– Только не шуми. У жены мигрень, она сейчас какая-то нервная.

На улице смеркалось. Похолодало. Осень становилась все неприятнее и неприятнее.

– Ты окончательно ушел от Жанны?

– Думаю, да. Все как-то не сложилось. – Я сделал сильную затыжку и обжег горло. – Может быть, так будет лучше.

– Лучше не будет, будет по-другому. – Он похлопал меня по плечу. – Бывают дни, когда я свою жену готов придушить, просто выдавить ей глаза, но знаешь, отпускает, причем достаточно быстро.

Я засмеялся.

– Нет, серьезно. Вот как посмотрю на ее милое лицо, и сразу отпускает. А ведь мы не старики какие-нибудь. Понимаешь? Мы и десяти лет не прожили вместе, еще все впереди, как говорится, но все же иногда вот так и хочется выдавить ей глаза. – Руфус тоже засмеялся.

Потом мы вошли в дом.

Дом был уютный, не слишком просторный, но чувствовалась домашняя атмосфера. Здесь было все, и картины с изображением удивительной красоты пейзажей, а также фотокарточки, развешанные по стенам, на которых присутствовали родственники счастливой семейной пары. Руфус угостил меня картофелем и остатками утки. Птица удалась на-

славу, приятная жесткость в сочетании с сочным мясом на мгновение унесла меня из этого мира.

Мне постелили в гостиной. Маленький диванчик, но сойдет, чтобы скоротать ночь. Я погасил свет, накрылся пледом и еще какое-то время вслушивался в уличный шум, в то, как ходят трамваи и как где-то неподалеку пьяные мужики выясняют отношения. Но несмотря на всё это на душе было как-то легко, как-то спокойно, безмятежно, будто бы завтра я открою глаза и окажусь в собственной постели, рядом с женой, которую, видимо, все еще любил и хотел обнять.

Утром мы пили кофе с рогаликами.

– У нас в цеху один парень рассказывал про женщину, сдающую комнату. Вроде бы не дорого. – Руфус посмотрел на меня. – Если хочешь, могу уточнить адрес и вечером сходим туда, посмотрим, что к чему.

– Это было бы весьма кстати, – ответил я, делая маленький, но обжигающий глоток черного кофе.

– У тебя есть деньги на первое время?

– А ты что – хочешь мне одолжить их? Я думал, у тебя у самого с этим какие-то проблемы.

Мы переглянулись.

– Хм, ну я просто так спросил. – Он уткнулся взглядом в стол.

– Ладно, разберемся.

На работу я отправился пешком. Моросил мелкий дождь, по земле все еще стелились остатки раннего тумана. Горо-

дам, расположенным вблизи морей, всегда приходится сталкиваться с чрезмерной влажностью. Я не страдал от этого, но иной раз прогулка по пустынным, окутанным в молочную пелену улицам напоминала мне ходьбу по потустороннему миру, где так тихо, что волосы на голове встают дыбом.

Из тумана выплывали силуэты горожан, они пронеслись мимо, будто бы подгоняемые ветром. Мне всегда было интересно – если проследовать за кем-либо по пятам, сможет ли этот человек скрыться из поля зрения, свернуть за угол и растаять. Еще ни разу не пробовал заниматься подобной ерундой, но всегда так хотелось.

В мясной лавке все по-старому. Мистер Чегг поздоровался со мной, выразил надежду на мое дальнейшее благоразумие, и все понеслось по привычному сценарию.

Ближе к вечеру в лавку позвонил Руфус, позвал меня к телефону. Я не успел вытереть испачканные в крови руки, и босс трижды проклял меня за то, что трубка заляпалась. Мы договорились встретиться ближе к восьми часам в ретро-квартале.

Квартал назывался так потому, что все дома там напоминали постройки прошлого века, высокие потолки, большие узкие окна, кирпичная кладка. Мне нравился этот стиль, вот только в осеннюю пору он навевал какое-то грустное настроение.

– Она слегка не в себе, – сразу же уточнил Руфус, пока мы шли по направлению необходимого мне жилища.

– В каком смысле?

– Не знаю, не уточнили. Просто сказали, что у нее на вой- не погиб муж, они раньше жили там вдвоем, и после этого женщина слегка тронулась умом.

– Ну и зачем мы туда идем? Я не хочу жить вместе с сумасшедшей. – Я схватил приятеля за локоть и остановил.

– Перестань, – одернул меня он. – Всё хорошо. Она не сумасшедшая, просто до сих пор носит траур по мужу, вот и всё. Мало с кем общается, в общем – ведет затворнический образ жизни.

– Да кто тебе всё это рассказал?

– Коллега по работе. Они раньше семьями дружили, но сейчас только понаслышке знает о ней всё это.

– Знаешь, люди разное болтают. Может, у нее три головы или еще черт-те что? – Я почему-то занервничал. – Давай не пойдем.

– Да что ты как ребенок себя ведешь? – Руфус сердито ткнул меня в бок. – Тебе нужен ночлег, а эта дамочка много не возьмет. Особенно если скажешь, что воевал, она сострадательна к военным. А вообще – скажи, что знал ее мужа, он, кажется, тоже был пехотинцем. Наплети ей, что вы друзья были закадычные, и, может, вообще платить не придется.

– Порой мне кажется, что ты бредишь.

Мы зашли в парадную, поднялись на второй этаж. Каждый наш шаг отдавался эхом. Руфус постучал в дверь, через пару минут ее отворила высокая фигура в кружевном, готи-

ческого стиля платье, с черной вуалью на лице.

– Вы кто? – спросил приятный, но сердитый женский голос.

– Мы звонили вам по поводу комнаты, – начал свой монолог Руфус. Я просто стоял рядом, сжимая в руках чемодан с вещами.

– Вы собираетесь жить вдвоем? – уточнила дама.

Мы переглянулись.

– О, нет, мадам, что вы. Только он, он один. – Руфус подтолкнул меня чуть вперед.

Я только и произнес:

– Здравствуйте.

Она смерила меня взглядом. Сквозь вуаль были заметны приятные, но несколько бледные черты лица.

– Он воевал, – как-то невпопад высказал мой друг.

Женщина вздохнула и молча пропустила меня внутрь.

В квартире царил мрак. Множество старых вещей были любовно расставлены по полкам прихожей. Я медленно брел за хозяйкой, стараясь не выдавать своего замешательства. Здесь было чересчур печально.

Она остановилась у входа в комнату. Маленькая, скромная, с небольшой кроватью и письменным столом. Но на большее я и не рассчитывал.

– Я люблю тишину и хотела бы вас попросить не нарушать это правило. Моя комната за стенкой, и у меня очень чуткий слух.

– Да, мэм, я всё понял.

– Если вас это устраивает, то можете располагаться. – Она озвучила сумму, я утвердительно кивнул головой и остался один, среди темных мебельных силуэтов, покрытых белыми простынями.

На мгновение мне показалось, что я очутился во сне. Женщина исчезла, оставив меня наедине с переживаниями и подобием какой-то тайны. Сдернув простыни со стола и кровати, я пару раз чихнул от плотного клуба пыли, поднявшегося в воздух. Но вновь не почувствовал отвращения, словно наконец-то очутился там, где так давно хотел побывать. За окном пробежал одинокий трамвай, какой-то человек прошагал вдоль по улице и скрылся в одной из арок, и всё стихло. Несколько дохлых мух, валявшихся на подоконнике, почему-то навяли улыбку, словно они явили собой истинных обитателей этой квартиры.

2.

Так и стали проходить мои дни. Дни, в которых ничего не менялось. В мясной лавке я уже не чувствовал себя чужим, отстраненным, а наоборот – весьма заинтересовался этим нехитрым делом. Стал уделять ему больше внимания. По вечерам, пару раз в неделю, по обыкновению, напивался. Не от непреодолимого желания сделать что-то глупое, напротив – от пресыщенности, от того, что вокруг меня наконец-то все нормализовалось.

Через какое-то время Руфус сообщил мне, что так сильно ожидаемый нами театральным деятелем всё же не собирается приезжать в наш город, а, следовательно, мечты о работе по написанию музыки к пьесе можно было отложить в долгий ящик. Но эти вести не расстроили меня, они были всего на-всего очередным событием, вернее – очередным лишением события. Такое происходит сплошь и рядом, с этим ничего невозможно поделать, оставалось только стоять в стороне и просто наблюдать.

Я не видел Сагиту уже почти месяц. К своему удивлению, пришлось заметить, что всё это время я не особо часто вспоминал о ней, о моей бывшей жене, о доме, который мне пришлось покинуть. Конечно, мысли о Жанне и ее новой ухажёре иногда пекли мне разум, становилось плохо, но потом все проходило, как дурной сон.

Скопив некоторую сумму денег, я смог уплатить за проживание хозяйке квартиры, мисс Палет. Она по-прежнему крайне редко выходила из своей комнаты. Иногда по ночам я слышал, как женщина играла на пианино – какие-то таинственные, чарующие мотивы. Они были лишены смысла, поскольку состояли из весьма непродолжительных зарисовок, каких-то ломаных, пугающих, пустых. Иной раз, когда я сидел у окна и наслаждался вкусом папиросы, звуки, доносившиеся из соседней комнаты, заставляли меня содрогаться от неожиданности. Посреди ночи можно было уловить слабый, невнятный вой или же грустное постанывание, доносившееся из-за двери. Мне казалось, что любой здравомыслящий человек бы потерял сон, вызвал бы полицию и вообще собрал бы вещи и переехал в другое место, но только не я. Я был всё так же безмятежен, спуская всё на тормозах.

Как-то одним из вечером, сквозь пелену сна, я заметил сидящую напротив фигуру. Женщина в черном. Мисс Палет наблюдала за мной, что вызвало во мне негодование.

– Что вы здесь делаете? – поинтересовался я, пробуждаясь.

– Простите, я не хотела вас напугать. – Она сидела практически неподвижно, руки лежали на коленях, на лице все та же траурная вуаль. – Я хотела просить вас рассказать немного о войне.

– Войне? – я удивленно посмотрел на нее. – Сейчас слишком поздно для бесед. Я просто...

– Понимаю, но порой так трудно уснуть, когда рядом есть живая душа. – Она смотрела прямо на меня. Становилось не по себе.

– Что вы хотите знать?

– Не могу сказать точно. Вернее, я бы хотела узнать вас. Понимаю, что мне, собственно, и дела до вас никакого быть не должно, просто бывают такие дни...

– У меня слабая биография. Она не заслуживает вашего внимания. Да и о войне говорить особо нечего, просто событие, которое прошло и не смогло не зацепить.

– Кевин, мой муж, писал мне письма. Его убили через полгода после призыва. В них он рассказывал о том, как скучает по мне, как боится засыпать, зная, что может не проснуться и не увидеть моего лица. Поэтому это лицо для него, – она указала на свою вуаль. – Вуаль будет оберегать его.

– Послушайте, мне правда неудобно, но завтра рабочий день и придется вставать рано утром.

– Кем вы работаете?

– Я мясник, работаю в мясной лавке.

– Вам нравится причинять боль?

– Простите? – удивился я.

– На войне – кем вы там были?

– Просто солдатом.

– Там вы резали живое мясо, а здесь предпочитаете резать мертвое. Привычки остаются.

– О чем это вы? Я просто выполняю свою работу. – Я оза-

даченно посмотрел на хозяйку квартиры. Она казалась такой спокойной, и в то же время меня не покидала мысль о том, что в считанные секунды эта дамочка прикончит меня в этой самой постели. – А вы, чем вы занимаетесь? Просто сидите в квартире и никуда не выходите?

– Иногда выхожу. – Она неожиданно поднялась с места и медленно подошла к входной двери. Привидение, не иначе. – Я утомила вас, прошу прощения. Пожалуй, я лучше пойду.

И я опять остался один, в темной, теперь еще более мрачной комнате.

С тех самых пор мне казалось, что за мной следят чьи-то глаза, чье-то дыхание постоянно мерещилось мне со всех сторон. Мисс Палет представляла собой демона, живущего здесь, в этой мертвой, существующей вне времени квартире, и мне хотелось закрыть глаза и проснуться дома. Но я раз за разом просыпался всё в той же постели, и все те же всхлипы и поскуливания я слышал по ночам. Появился нервоз, хотелось закутаться в пуховое одеяло и провалиться сквозь землю, но тем не менее желание сменить квартиру так и не возникло.

В один из вечеров я решил обратиться к хозяйке с претензиями. Постучав в дверь ее комнаты, я заметил, что она не заперта. Зайдя внутрь, я застал ее сидящей у окна, вяжущей на спицах. Беглым взглядом осмотрел помещение. Много фотографий, с изображенными на них людьми. Они странно выглядели, будто бы спали. Стеклянные выражения

глаз, бледные лица, и только позже я узнал, что на всех этих фотографиях были изображены мертвые люди. Раньше обожали делать портреты усопших, на память.

– Вам что-то угодно? – спросила мисс Палет.

– Я хотел спросить – всё ли у вас в порядке?

– Вам это так важно?

Скорее всего нет, не важно, но ситуация обязывала меня разобраться во всём этом хаосе. Мне казалось, что я схожу с ума, находясь в подобии комнаты, запертой изнутри. Всё сличалось слишком быстро, слишком велик был тот диссонанс, которому я подвергся. Так я и стоял напротив нее. Она отложила в сторону спицы, подошла ко мне практически вплотную, и я смог разглядеть чуть больше, чем было нужно. Я увидел ее губы. Они были розовыми, мягкими, красивыми. Я заметил блеск ее глаз, привыкших к темноте, но не потерявших своей жизни. Мне кажется, здесь я оказался не случайно, волей судьбы, весьма странной, но интересной. Мисс Палет дотронулась до моей руки.

– Что чувствуете? – прошептала она.

– Вас.

– Значит, я живая.

Я совершенно не мог понять, какой бардак царил в голове этой дамы. Она была привлекательна собой, явно неглупа, но одержима траурными идеями и в буквальном смысле помешалась на смерти. Иногда мы с ней беседовали короткими фразами, а иногда длинными. Мне не хотелось, чтобы ее

пессимистические ноты проникали в мою душу, но сам того не осознавая, стал зависим от ее скорби.

Однажды, вернувшись с работы, я застал ее в дверном проеме, она попросила меня сделать пару фотографий. Я согласился.

Хозяйка квартиры сказала, чтобы я замотал ее тело в белую простыню, похожую на саван. Затем я положил ее на кровать, рассыпал лепестки роз и сделал несколько снимков. Она была похожа на мертвеца, чье лицо оставалось скрытым под черной вуалью. Мисс Палет всё больше походила на пустое, засыхающее дерево, которое не знает, как приблизиться к желаемому, как прикоснуться к тому, к чему прикоснуться нельзя. Она не играла и не жила, она просто что-то делала, о чем мне думать совершенно не хотелось. Забыть и не вспоминать.

Просьбы иногда повторялись. Саван, имитация повешення, а также одинокая фигура печального существа, стоящего посреди комнаты с томиком стихов в руках. Я все отрицал, мысленно зная, что уже не смогу выпутаться из-под власти сладких, пугающих чар. Мне было совершенно наплевать на ее образ жизни, я просто запирался у себя в комнате и старался уснуть.

3.

С Руфусом мы виделись реже, чем раньше. Мои новые апартаменты располагались в другом конце города и по этой причине пересекаться нам удавалось лишь в скромном полупустом баре, на нейтральной территории, в котором подавали странное на вкус пиво, но зато дешевое. По обыкновению, своему, я заказывал сразу литр и смаковал его весьма продолжительное время, изредка поглядывая на бармена, который ковырялся вилкой в зубах.

Здесь было не так уж и плохо, даже уютно. Играла тихая, ненавязчивая музыка, а посетители никогда не дебоширили. Руфус последнее время часто жаловался на то, что им с женой никак не удастся завести ребенка, и я невольно все чаще стал вспоминать о Сагите, которую покинул. Интересно – как там она, и удастся ли ей уживаться под одной крышей с Жанной и ее новым кавалером. Думаю, что удастся. По крайней мере, хочу в это верить.

– Может, мы не созданы для этого? – внезапно вырвал меня из забвения голос приятеля.

– Для чего?

– Для детей. – Он нервно закурил. – Понимаешь, это же ответственность, а если ты не готов ее нести, значит господь не предоставит тебе подобных благ.

– Дети – это благо? – поинтересовался я.

– Конечно. Ну так говорит жена. – Он также нервно глотнул пива. – Ну и я так считаю тоже.

– Я никогда об этом не думал.

– У вас была Сагита, все эти пять лет. Считай, что дочку растил.

– Никогда к ней не относился как к дочери. – Я улыбнулся, поддавшись мыслям о девушке. – В любом случае – тебе не стоит так переживать из-за этого. Ты бы все равно был бы никудышным отцом.

Руфус слегка возмутился, выдыхая из ноздрей сигаретный дым. Странно, но я никогда не слышал от него подобных разговоров. В какой-то момент люди меняются, становятся другими, и ты вечно упускаешь этот этап из виду, тот самый, в котором человек совершает процесс перевоплощения.

В нем, как правило, меняется совершенно всё, от манеры поведения до привычек. Появляется или же уходит раздражительность, извечные темы бесед резко сменяют русло, и теперь при встрече вы никогда не услышите от него слов радости или же, наоборот, горя. Он все тот же сосуд, который странным образом наполняется совершенно иным содержимым, таящимся в нем или же занесенным какими-то другими ветрами.

Я старался не придавать значения всем репликам, которые бессознательным потоком сыпались из уст Руфуса. Он постепенно пьянел, становился сонливее, потом его самого утомила болтовня, и ему пришлось переключиться на дру-

гую тему.

– Как там поживает твоя сумасшедшая хозяйка?

– Я ее почти не вижу, – говорю я, опуская глаза в пол.

– Я бы сам свихнулся от такой мадам. Странная она. – Он улыбнулся и закурил.

– Не знаю. Не замечал. – Потом добавил: – Хотя порой мне кажется, что я живу со своей совестью.

Руфус выплюнул в мою сторону клуб дыма и засмеялся во весь голос.

– Не думал, что ты так проникнешься. Она что – ведьма?

– Она похожа на ночной кошмар, – сухо сказал я и тоже закурил.

Мы вышли из бара за полночь. На улице неожиданно сыпал легкий снег. Конец октября. Я пожал своему другу руку и побрел вверх по улице, прикидывая, что до дома придется добираться пешком.

Я шел по пустым улочкам. Свет в домах уже давно погас. Фонари слабо отбрасывали тени на мостовую, и создавалось впечатление полнейшего одиночества. На какое-то мгновение я подумал, что заблудился, свернул не туда и теперь не смогу найти дороги обратно. Остановился у столба, потирая друг о дружку замёрзшие руки. Мне почему-то стало страшно, стало боязно возвращаться в унылую обитель скорби, в которой мой разум походил на законсервированную банку, способную тупо пролежать на одном месте долгие и долгие годы. Покрыться пылью, стать обыкновенным предметом

обихода, о который попросту будут спотыкаться все, кому не лень.

Мне стало жаль хозяйку квартиры. Жаль ее образа жизни, ее сумасбродных поступков, ее одиночества. Она не заслуживала быть такой, жить среди нормальных людей, заключенная в странный, совершенно сухой панцирь, из которого не смела даже высунуть головы. Но через некоторое время я вспомнил, что собирался отдать ей деньги за комнату, потерял ход предыдущих мыслей и вновь побрел вдоль по улице.

Входную дверь в квартиру я отворил ключом. Зашел внутрь и услышал тихую игру на пианино. Сняв с себя запыленное снегом пальто, я медленно прошел по коридору и остановился у входа в ее комнату.

– Вы сегодня поздно, – раздался женский голос из-за двери.

– Да, встречался с другом.

– Другом, – слепо повторила она. – Вы можете войти.

Я вошел. Она сидела все в той же строгой, таинственной позе и смотрела в окно, закрыв крышкой клавиши инструмента.

– Расскажите мне о войне, – через какое-то время попросила женщина.

Алкоголь, играющий в моих жилах, развязал мой язык, теперь мне хотелось вести странные, монотонные разговоры.

– Там было страшно. Не всегда, но большую часть времени. – Я закурил папиросу, не спросив разрешения. – Мы

передвигались на ощупь, практически каждый день. Иногда мы просыпались и не могли понять, умерли мы или еще нет. Иногда гремели взрывы, кричали люди, брызгала кровь. Знаете, теперь все эти воспоминания для меня превратились в какой-то странный, липкий клубок. Они наслоились друг на друга, поэтому прошу прощения за столь глупые метафоры.

Женщина молчала.

– Мы не знали ни цели, ни своих командиров, нас просто забросили в тыл и обещали только смерть. Геройскую, но мы все прекрасно осознавали, что наши тела клевали бы вороны, а наши имена пропали бы точно так же, как сотни других имен до нас. – Мне вдруг стало совестно за такие гнусные мысли, но именно ими я жил все это время. – Потом я медленно потерял самого себя, как-то прекратил верить в успех кампании и в то, что следует совершать правильные поступки. Помощи было ждать неоткуда, поэтому нам не особо хотелось геройствовать. Да нас и было-то человек десять-пятнадцать, когда, закутавшись в старую, вонючую шинель, мы спали в полуразрушенной школе. Дождевая вода капала мне за шиворот, и я долгое время ворочался, стараясь не обращать на это внимания. Под утро я уполз в другую часть здания и только там смог уснуть, а когда проснулся, мне показалось, что всё вокруг изменилось. Своих товарищей я не обнаружил, они ушли, забыв о моем существовании. Странно это как-то. Потом я услышал шаги. Спрятавшись за заваленный обломками стены письменный стол, я просто ждал. При-

шли какие-то мужчины, они тащили за собой девушку. Она даже не сопротивлялась, обыкновенное смирение. Ее изнасиловали, избили и убралась восвояси. Не знаю почему, я не посмел вступить за нее, мне кажется, это было бессмысленно, немного наивно. На той войне я никого не спасал, а спасался сам. Когда я покинул свое укрытие, девушка заметила меня, жестом попросила сигарету и медленно поплелась прочь. В ее глазах не было никакой ненависти по отношению ко мне, она ненавидела себя, но не меня.

Все это время я стоял спинок к хозяйке квартиры и курил. Женщина молча слушала мой рассказ, положив руки на колени, подобно прилежной ученице. Когда я закончил, мне стало плохо и пришлось быстрым шагом проследовать в ванную комнату, чтобы опорожнить свой желудок. Трудно понять, ради чего я решил в тот вечер стать настолько откровенным – возможно, внутренняя обида подтолкнула слова, но стоя перед зеркалом, умывшись холодной водой, мне показалось, что я впервые в жизни был честен.

4.

Способность что-либо чувствовать – это необыкновенный дар, которым обладают все, но далеко не каждый умеет им пользоваться. Некоторые прячут его в глубине души, стесняются, боятся проявить слабость. Они слепо живут, тянут руки к огню, постепенно забывая о том, что он может обжечь. Таких людей много, среди таких людей живет, как в лесу, стволы деревьев которого непроходимой чащей возникают на пути зрячего человека. Наверное, они мешают жить, ведь в их существовании нет никакой цели: прикоснись к такому, и он не сможет точно передать эмоцию, которую испытывает. Жизнь под копирку – она пресна на вкус и напоминает туманный проспект, следуя вдоль которого ты постепенно стираешься и исчезаешь из виду.

Точно так же стирался и я. Работа, дом – дом, работа. Вскоре снег похоронил под собой очертания города, он стал другим, холодным. По следам, оставленным жителями, можно было часами бродить, так и не обнаружив хозяина следа. Я старался всеми силами выплыть на поверхность, заставить себя расшевелиться, прекратил пить, начал ходить в музеи, посещал библиотеки, стараясь занять свободное время самообразованием. Не могу сказать, что это как-то помогало, время все так же текло вне меня, вселяя все большую уверенность в том, что эту болезнь не излечить.

Однажды я пригласил хозяйку квартиры, мисс Палет, на загородную прогулку. Она долго упрячилась, не желая выходить из своей пещеры, но под моим упорным натиском всё же сдалась.

Мы отправились в местечко под названием Холмы. В это время года они были необычайно красивы. Заснеженные луговые просторы, соединяющиеся на горизонте с небом. Моя спутница была одета всё в то же черное платье, с вуалью на лице. Создавалось впечатление, что холод совершенно не имеет для нее никакого значения. Поезд не спеша двигался в нужном нам направлении, а мы просто молчали, сидя друг напротив друга.

– Спасибо, – произнесла мисс Палет.

– За что? – удивился я.

– За эту поездку. Я не слишком часто куда-то выбираюсь. – Она смотрела в окно, держа руки на коленях.

– Это я уже заметил. Просто мне показалось, что так будет правильно.

– Правильно? – переспросила она.

– Да. Зимой все живое погружается в какой-то непонятный сон, а я, знаете ли, как-то уже выспался.

– Вы странный человек, мистер Андерс...

– Можно просто Том, – перебил ее я.

– Чего вы добиваетесь?

– Ничего. Просто стараюсь что-то делать правильно.

– Работа над ошибками?

– Можно и так сказать. У кого их нет? – Я улыбнулся. Она нет.

– Том, это и вправду странная идея. Мне кажется, что нам не следует куда-то выбираться вместе.

– Вы чего-то боитесь?

– Не знаю. Мне кажется, что за нами следят.

– Вам это кажется.

– Возможно, вы правы.

Она опустила голову.

Мы оба были странными, от этого становилось даже забавно. Я всю дорогу любовался пейзажем за окнами поезда, а когда мы сошли на пустой перрон, расположенный посередине заснеженного луга, я закурил сигарету, чувствуя, как зимний холод продирает мое тело до костей.

Мисс Палет отошла от меня на несколько метров. Сжимая в руке кладчик, она всматривалась в даль. В деревья, которые были усыпаны роскошным белым золотом. На фоне всего этого великолепия ее черная фигура казалась чем-то дьявольским и в то же время таким нереальным.

– Откуда вы узнали про это место? – вдруг спросила она.

– Моя племянница рассказывала мне о нем. Здесь одинаково хорошо и летом, и зимой.

– А здесь кто-нибудь живет?

– Не знаю. Возможно, фермеры. – Я выдохнул из легких дым. – Скорее всего, только они и живут. А что?

– Просто здесь так тихо.

Мы просто брели вдоль бескрайнего луга. Ее темная фигура находилась передо мной, как маятник, на который я без проблем мог ориентироваться. Ноги успели промокнуть от этого вязкого, приятного снега, но эта проблема не помешала мне продолжить путешествие.

Через некоторое время мисс Палет обернулась в мою сторону, и на ее лице я смог разглядеть чуть заметную улыбку. Женщина рождалась заново.

Вернувшись домой, мы сели пить чай. Все так же молча, все так же тихо. Иногда я рассказывал какие-то истории из своей военной жизни, они были незначительными, но ей эти рассказы приносили радость. Не знаю, какие именно чувства мы испытывали друг к другу, но это точно было нечто большее, чем простое общение.

Поздно ночью женщина пригласила меня к себе, в комнату. В полумраке ее силуэт казался нереальным. Она стояла абсолютно голая, готовая принять мужчину. Все это напоминало мне кинокартину, действия в которой были настолько предсказуемы, что становилось скучно. Странно, но я предвидел подобный исход наших взаимоотношений. Люди, находящиеся в запертом пространстве, нужны друг другу гораздо больше, нежели вне его стен. Я обнял ее, поцеловал холодную, но изящную шею, после чего мы занялись любовью.

– Мне было странно видеть тебя при дневном свете, – сообщил ей я.

– Сама не знаю, как умудрилась согласиться на это. – Она лежала на моем плече, и я чувствовал ее дыхание. – Иногда мне кажется, что люди вокруг меня всего лишь плод воображения. Выдуманные, с разной внешностью, веселые или грустные. Среди них так просто потеряться, стать невидимой. Но иногда мне кажется, что я устаю от такой жизни. От этих серых стен, от этих звуков черно-белых клавиш, от всего. Хочется вернуться назад, к себе прежней, вспомнить себя настоящую и улыбаться. – Она посмотрела на меня. – Скажи – это возможно?

– Не знаю. Я сам уже слишком давно нахожусь здесь.

На следующий день, придя с работы, я застал мисс Палет вновь одетой в свое траурное платье. Она прикрепила веревку к люстре. Напротив находился фотоаппарат со штативом. Женщина готовилась к новой фотосессии, хотя на стенах ее комнаты практически не было свободного места. Старые снимки заполнили всё пространство.

– Ты готов, Том? – спросила она меня, вставая на табуретку и просовывая голову в петлю.

Я с какой-то тоской посмотрел на нее и кивнул.

– Фотографируй быстро, а то я могу задохнуться. – Она стояла смирно.

– Неужели тебе страшно?

– Не знаю, я еще не поняла этого. – Женщина проверила на прочность веревку. – Завяжи мне руки за спиной.

Я исполнил ее просьбу.

Мисс Палет выбила стул у себя из-под ног и повисла в воздухе. Тело принялось извиваться, оно сопротивлялось безумству разума. Я наблюдал за всем этим кошмаром через объектив камеры, но так и не посмел сфотографировать.

Спустя некоторое время всё прекратилось. Обмякшее тело повисло в метре от пола. Я закурил сигарету, подходя к нему все ближе и ближе. Дотронувшись до него пальцем, я ничего не почувствовал. Просто кожаный мешок, обтянутый черной, кружевной тканью. Веревка выдержала испытание, успокоив беснующееся сознание этой госпожи.

Потом я запер дверь в ее комнату на ключ. Всё, что произошло внутри, произошло без моего участия. Меня здесь не было никогда. Жизнь отвергла мисс Палет, как уставшее тело отвергает плод, а я просто хотел спать.

За окнами гудел ночной трамвай, идущий в депо. Снег бесшумно падал на мостовую, а облака беспечно блуждали по небу, боясь спуститься на землю, к нам и стать такими же пустыми сосудами, которые требуется наполнить хоть чем-то.

Глава 3. Наваждение

1.

Тревога. Знаете, она такая непонятная. Вроде бы ты чувствуешь себя хорошо, ничего не болит, а внутри сидит коварное нечто и постоянно дает о себе знать. Свербит, поедает твои внутренности, заставляет страдать, пусть даже несильно, но все же. Это ни с чем не сравнимое, утомительное ощущение, как перед казнью, когда толпа уже собралась и исход очевиден, а разум все еще сопротивляется, старается нарисовать совершенно другую картинку, в которой нет места ужасам повседневности. Он сам себя берет в заложники и угнетает. Потом раздается хруст, и вы мертвы. Точно так же и с тревогой. Она просто появляется с первыми лучами солнца и идет с вами до самого конца.

Я проснулся рано утром. Вернее сказать – в одно из ранних утр. Зима атаковала собой весь город, засыпав снегом все улицы, дома и проезжающие мимо трамваи. В квартире было холодно, поэтому я сразу же заварил себе чай, налил в большую кружку и, усевшись на кровать, принялся маленькими глотками наслаждаться напитком.

В соседнюю комнату, где мирно покоилось тело несчастной хозяйки квартиры, я не заглядывал несколько дней. Бы-

ло как-то не до этого. В мясной лавке работа шла полным ходом, но, по правде говоря, я как-то охладел к этому ремеслу. Подал заявление об уходе, чему хозяин явно огорчился, но иногда нужно уметь выводить себя из привычной зоны комфорта. Становиться другим.

Иной раз мне, конечно же, хотелось заглянуть в соседнюю комнату, убедиться в том, что труп всё еще там, болтается на своей верёвке, медленно разлагается и источает странный запах. Но знаете – не всегда следует потакать своим прихотям. В конце концов, мне следует сообщить кому-нибудь о таком скверном происшествии.

И конечно же, этим человеком стал Руфус.

Мы встретились в баре, и после второй кружки пива я поделился с другом своими опасениями.

– Как это повесилась? – поинтересовался он. – Совсем?

– Ага, – только и пробубнил я, отпивая несколько глотков.

– Какого черта, Том? Ты просто обязан был...

– Что? Сообщить полиции?

– Да.

– Но я не смог.

– Почему? Ради чего ты продержал это бедное тело в жалкой петле так долго? – Он яростно и как-то пусто смотрел в мою сторону.

– Я не знаю. Понимаешь? Она просто казалась мне такой... – я замялся. – Такой... спокойной.

– Ты хотел сказать – мертвой! Она мертва, Том.

Мы закурили.

– Все проблемы можно решить. Давай подумаем – как решить эту проблему.

– Я не вижу тут никакой проблемы. Она обезумевшая дамочка, жила одна, потом раз – и покончила с собой.

– У полиции могут появиться вопросы.

– И ты дашь им на них ответы.

– Как у тебя всё просто, приятель. – Я развел руками в сторону. – Они же подумают, что я помог ей.

– Помог – что? Повеситься?

– Да.

– А ты помог?

– Не знаю, – я опустил глаза в пол и задумался. События того вечера стерлись у меня из памяти, теперь мне казалось, что и трупа никакого не было и я все это выдумал. – Нам нужно проверить кое-что...

Потом мне всё же удалось уговорить друга отправится со мной в квартиру.

Мы старались вести себя как можно тише, хотя точно знали, что в доме кроме меня и хозяйки жила только одна старая семейная пара, выходявшая из своих апартаментов несколько раз в году. Мы крадучись подошли к заветной двери и приоткрыли ее.

Мисс Палет была всё еще здесь. Пахло странным, солоноватым запахом, воздух был невероятно спёрт. Мы некоторое время пялились на бесшумный, мрачный силуэт, после чего

Руфус предложил сжечь квартиру дотла.

Не знаю почему, но мне эта идея показалась весьма удачной. В конце концов очищение всегда происходит через огонь. Хватит этому месту источать скорбь и отчаяние, пора уйти на покой.

Спичками мы подожгли шторы и старые простыни. Огонь довольно быстро окутал собой все пространство. Я наблюдал за тем, как языки пламени облизывают ноги хозяйки квартиры, как пожирают ее платье, как бесстыже шарятся по заповедным местам мертвого тела. Потом, когда сгорела вуаль, на меня, из темноты, смотрели два глаза. Блестели, словно живые, взывали к моей совести и пробуждали в глубинах сознания отвращение к самому себе. Стало страшно. Отступил в сторону и, махнув на это все рукой, покинул квартиру.

С улицы мы какое-то время наблюдали за тем, как огонь уничтожает жилое помещение. Там не останется ничего, ни малейшего признака существования этой особы. Она просто испарится, вместе со своими фотографиями и воспоминаниями о муже. Обуглившиеся клочки бумаги, подобно снегу, медленно обрушивались на тротуары. Хотелось спать и хотелось есть. В руке я сжимал чемодан со своими вещами, а Руфус посматривал на часы в надежде успеть на последний трамвай до дома.

Той ночью я ночевал у него.

2.

Иногда мне казалось, что я умер. В те минуты, когда мозг еще не отошел ото сна, а тело уже совершало какие-то движения, мне мерещились чудеса. Станный запах наполнял собой всю комнату, таинственные тени ползали по стенам, повергая меня в смятение. Не могу описать точно, что же конкретно происходило со мной в те минуты, но это и вправду походило на сон. Сон, в котором существуют рамки, через которые ты ни в коем случае не можешь переступить. Кто их создал и для чего они были так необходимы – я, конечно же, не знал.

Мне вообще перестало хотеться что-либо делать, куда-то двигаться, стараться в чем-то преуспеть. Опускаться на самое дно, конечно, тоже не хотелось, но остановить процесс гниения души было уже невозможно.

По утрам меня мучал кашель. Скверный такой. Минут пять задыхаешься в агонии, стараешься ухватиться за воздух руками, а потом всё проходит, будто бы и не было ничего. Руфус посоветовал мне обратиться к врачу, но я был глух к пожеланиям такого рода.

Однажды, гуляя по набережной и наблюдая за тем, как голуби бессмысленно путаются у меня под ногами, я заметил группу людей, одетых в черные помятые костюмы. Выглядели они так себе, больше смахивали на алкашей, нежели

на приличных горожан. В руках у некоторых из них находились духовые инструменты. Я сразу подумал о похоронном оркестре, который по-прежнему занимается своим унылым делом, провожая покойников на тот свет под корявые звуки трубы.

Подойдя к ним ближе, я заметил, что некоторые из них пребывали в изрядно выпившем состоянии. Запах дешевого алкоголя стойкой струей ударил мне в нос. Мужчины курили, время от времени забегаая за угол дома, чтобы справить малую нужду. Мне захотелось познакомиться с ними поближе.

И в этот самый момент из здания вышли несколько женщин и мужчин. На плечах последних находился гроб. Оркестр преобразился, подвинувшись в сторону. Кто-то из них звучно выругался за то, что пролил содержимое стакана на мостовую.

Очередные похороны и очередное траурное шествие по улочкам города.

Я вновь присоединился ко всей этой похоронной процессии.

– Жалко мужика, – лениво попытался завязать разговор я с одним из трубачей.

– Ага, – буркнул тот в ответ.

– По-моему, там бабу хоронят, – отозвался идущий впереди музыкант, у которого в руках покоился бубен.

– Все равно жалко, – подытожил я и закурил.

Мы медленно брели по спящему городу, и те редкие люди, что встречались нам на пути, пугливо отступали в сторону, словно боялись принять участие в параде мертвецов. Я заговорил о том, что ищу работу и был бы не против стать одним из участников похоронного оркестра. Трубочка сказал, что это легко устроить, поскольку по какому-то регламенту оркестр должен был состоять из восьми человек, а у них только шесть. Потом я начал рассказывать им о том, что имею музыкальное образование и ни в коем случае не подведу их ни на одном из мероприятий. Идущий впереди мужчина, с пухлым лицом и густыми бровями, улыбнулся, протягивая мне свою трубу.

– Я даже нот не знаю, играю просто, как получается, – отозвался он и захихикал. Я вновь учуял запах алкоголя.

Меня похлопали по плечу и сообщили о том, что здесь, мол, дела никому нет до моего профессионализма. Главное это влиться в коллектив. Коллектив – это основа любых рабочих отношений. Так мы и шли, чуть поодаль от родственников, несущих гроб. Рассказывали друг другу разные истории, смеялись, пили из серебряной фляги ром и будто бы забыли, что находимся на похоронах.

Потом один из мужчин приободрился, видимо, настало время для музыки, и оркестр нехотя принялся исполнять траурный марш, под аккомпанементы которого вся колонна благополучно вошла на территорию кладбища.

Дальше все как всегда: слезы, молитвы, надгробные ре-

чи и прощание с усопшим. Я стоял чуть в стороне и просто курил, прокручивая в голове мысли относительно того, что очень сильно хочу в туалет. Через несколько минут всё кончилось. Справив нужду на одно из многочисленных надгробий, я неторопливо поравнялся с музыкантами, и мы побрели в один из городских баров отмечать знакомство.

Пухлый трубач успел забрать какой-то конверт у высокой светловолосой девушки, которая вытирала слезы платком. Очевидно, гонорар за проделанную работу. Она выглядела уставшей, измученной, и, когда мои глаза встретились с ее, мне показалось, что этот взгляд я уже где-то видел. В нем вновь не было презрения, было только сожаление, о котором никто не говорит вслух.

3.

Через пару месяцев наш небольшой оркестр пригласили выступать на свадьбе. Странно, конечно, но к тому времени странности уже перестали удивлять меня. Мы, как и все люди вокруг, старались ухватить свой кусок денежного пирога.

Я влился в коллектив, прикупил дешевый поношенный костюм, черного цвета, туфли и галстук. Никогда не умел завязывать галстуки, но жизнь приучает ко всему. Пришлось изрядно повозиться с этим бесноватым изобретением, чтобы более-менее соответствовать образу свадебного музыканта.

– Каким образом нас позвали туда играть? – решил осведомиться я у Пикколи, моего компаньона.

– Мы частенько подрабатываем на свадьбах и прочих торжествах. Одними похоронами сыт не будешь. – Он улыбнулся, после чего закурил папиросу.

Мы прибыли по указанному адресу, опоздав всего на полчаса. Гости уже рассаживались по местам, всюду раздавались веселые голоса, а зал был украшен в великолепные белые тона. Я выпил пару бокалов шампанского, прежде чем подняться на сцену, после чего, некоторое время, мы занимались настройкой инструментов.

Народ изредка поглядывал в нашу сторону, стараясь концентрировать внимание на более важных вещах. В конце концов мы являли собой всего лишь фон, удачно скрашива-

ющий вечер. Жалко, что играли мы не настолько хорошо.

Спустя некоторое время мы приступили к музыке, и некоторые люди пустились в пьяный пляс, размахивая ногами и руками в разные стороны. Приятно видеть, как под твою музыку совершаются движения, а не захоронение побледневшего тела. Я старался как мог, пыхтел, надувал щеки, выдавливая звуки. Не успев обзавестись собственным инструментом, мне приходилось играть на той трубе, которую мне одолжили коллеги, а получалось это, скажу я вам, весьма тяжело. Губы, словно не желали принимать участие в этом сомнительном мероприятии, превращая звуки трубы в ничемный рваный мотив.

Так или иначе гости остались довольны. Нам, само собой, приходилось делать перерывы, чтобы перевести дух, пропустить по стаканчику и просто выкурить сигарету. Наш маленький оркестр отходил в сторону, практически в самый конец зала и старался привлекать к себе как можно меньше внимания. Однако некоторых из нас умудрялись приглашать на танец изрядно подвыпившие пожилые женщины. Но, так как это всё приходилось для нас частью работы, мы, стиснув зубы, терпели и шли на всяческие уступки.

Играл старый патефон; весьма приятная, слегка печальная песня, с оттенком ностальгии. Мне казалось, что я ее уже где-то слышал. Я танцевал, чуть приобняв за талию женщину, одетую в платье в белый горох. Она положила голову мне на грудь и дышала так размеренно, что могло пока-

заться, будто бы ее одолел сон. Кто-то из гостей взорвал хлопушку, и большое количество конфетти, подобно самому настоящему снегу обрушивалось на нас с потолка. Словно под дождем, я разглядел девушку, лет восемнадцати, стройную, стоявшую напротив и наблюдающую за моим корявым танцем.

Это была Сагита.

Она улыбнулась, поправив прическу. За все это время, что я ее не видел, девушка преобразилась и стала настоящей красавицей. Волосы аккуратно падали ей на плечи, а губы были накрашены алой помадой. Поначалу мне даже показалось, что это была кровь. Сагита подняла взгляд вверх и тихонько смеялась, радуясь тому, как серебристое конфетти облизывает ее щеки.

Я не мог сдержать своего изумления. Словно из сна, из самых дальних уголков памяти вырвался этот приятный глазам образ и вернул меня в мир живых. Попросив прощения у своей партнёрши по танцу, я оставил ее и не спеша приблизился к Сагите. Так мы и стояли какое-то время, смотрели друг на друга, любовались. На ней было черное платье, с повязанным на шею платком. Она продолжала улыбаться, отчего мне стало как-то не по себе.

– Привет, – только и смог выдавить из себя я.

– Привет Том, – передразнила меня она, и мы обнялись.

Потом, отойдя в сторону, мы взяли в руки по бокалу шампанского и продолжили разговор.

– Тебе разве можно его пить? – решил я по старой памяти сыграть роль заботливого взрослого.

– Брось. Я уже взрослая. – Она засмеялась.

Мне было странно слышать ее смех, видеть ее лицо, чувствовать запах ее духов. -

– Как твои дела, Том? Чем занимаешься? Почему так долго не писал мне?

– Хм, ну не знаю даже. Времени как-то не было. – Я смущенно почесал затылок. – Не знал, о чем тебе рассказать.

– Рассказал бы о себе.

– Да, это не интересно. Как Жанна?

– Чудесно. Рисует. Она теперь кажется намного счастливее.

– Она всё так же, с этим, ну с усиками...

– Ага. Все с ним же.

– Понятно. – Я отхлебнул шампанского. – А что ты тут делаешь?

– Это свадьба моей преподавательницы по танцам. Мисс Хилл. Здесь вся наша труппа. – Она указала в сторону небольшого отряда стройных девушек, сидящих за одним из столиков и поедающих салат. – Не ожидала тебя здесь увидеть.

– Так всегда и бывает.

– А где ты теперь живешь?

– Снимаю квартиру, над булочной, на Хэвир-стрит.

– Далековато. Я не бываю в тех краях.

– Ну а ты? Ты как поживаешь?

– Я теперь живу в пансионате для девочек. Съехала от Жанны примерно месяца три назад. У меня всё хорошо, часто выступаем в различных танцевальных постановках, выезжали пару раз в другие города.

– Это здорово! Рад за тебя. – Я осушил свой бокал и поставил его на столик.

– А ты тоже теперь связан со сценой, как я погляжу, – она улыбнулась, указывая мне на моих товарищей, которые махали мне руками, указывая на то, что пришло время продолжать выступление.

– Ну, сцена – это, скорее, побочный эффект...

Я виновато улыбнулся, после чего растворился в танцующей толпе и через пару минут уже всюду трубил, вместе со своими партнерами.

Вечер закончился массовой дракой. Какой-то пьяный увальень попытался поцеловать невесту, за что получил в морду от сидящего рядом отца. И дальше всё как по сценарию. Опрокинули стол, свадебный торт полетел в толпу зевак, ну а мы продолжали играть музыку, стараясь не обращать на всё это никакого внимания.

А когда все закончилось, я заметил, как Сагита выходит из туалета, поправляя свое платье. Следом за ней вышел какой-то парень, среднего телосложения, со странной прической. В душе у меня что-то кольнуло, и живот скрутило так сильно, что я даже умудрился издать болезненный крик. К

счастью, никто этого не заметил. Девочка выросла, и мне почему-то было странно осознавать это. Словно я был как-то причастен к проявлению ее вульгарного характера.

Уже на улице я стоял у входа и курил, ожидая появления юной красавицы. Она вышла, закутавшись в черное пальто, на высоких каблуках.

– Меня ждешь? – Сагита опять засмеялась.

– Просто хотел проводить тебя домой.

– Не стоит, за нами приедет автобус.

– Тогда, может быть, он меня подбросит до дома?

– Вряд ли. – Мы улыбнулись друг другу. – Ты выглядишь уставшим. У тебя все хорошо?

– Да, конечно.

– Ну ладно, тогда еще увидимся.

И она помахала мне рукой, после чего присоединилась к своим подругам, и они все дружно забрались в автобус. Я смотрел им вслед и улыбался.

Ветер сильным рывком выбил из моей руки тлеющую сигарету. Другой у меня не нашлось, поэтому я развернулся и пошел в сторону трамвайной остановки.

4.

На улице шел дождь. Он мешал мне спать. Капли с силой обрушивались на оконное стекло, пугая своей поразительной ритмичностью. Подобно барабану, они отбивали каждый мой внутренний шаг – шаг человека, идущего на плаху.

Сквозь смутную пелену все еще дремлющего сознания мне казалось, что все вокруг погрузилось под воду. Комнату затопило, и моя крохотная кровать превратилась в спасательный плот, который вот-вот натолкнется на риф и тело мое пойдёт ко дну. Шумели волны, дул странный ветер, пощечины которого отдавали запахом соленой воды. Небо над головой было серое, свинцовое, налитое болью и какой-то неподдельной злобой. Оно ненавидело меня, посылая всё больше и больше проклятий.

Наконец я открыл глаза, отогнав от себя эти странные видения. Пижама была пропитана потом. Усевшись на край кровати, я обнял себя за плечи, стараясь унять внезапно появившуюся дрожь. Воняло какой-то тухлятиной, настолько мерзкой, что хотелось выть. Я принялся ощупывать свое тело в поисках старых порезов, ранок, в которые каким-то непонятным образом могла попасть грязь, и они подверглись гноению. Ноги, руки, живот – всё было в порядке, ни единой отметины. Но я понимал, что смрад исходил от меня самого. Неужели внутренности?

Подойдя к зеркалу, я полностью скинул с себя одежду и осмотрел себя со спины. Тоже ничего. Значит, я гнил изнутри. Какие-то удивительные, фантомные запахи будоражили мое сознание. Мне становилось страшно.

Спустя некоторое время, выпив ромашкового чаю, я уселся возле небольшого окна и стал смотреть на улицу. Поток воды стремительно неслись по мостовым, подхватывая на своем пути всякий мусор. Людей практически не было, за исключением сапожника из лавки напротив, старательно пытающегося закрыть ставки своей витрины, а также нескольких девушек, весело резвившихся под дождем. Их насквозь промокшая одежда прилипла к телу, подчеркивая идеальные формы. Босыми ногами они брызгали друг в друга водой из луж, при этом смеясь и цепляясь за руки.

Увидев мою жалкую фигуру в окне, одна из девушек помахала мне рукой. Остальные последовали ее примеру. Среди красавиц я уловил знакомые черты лица Сагиты. Волосы прилипли к ее щекам, но на лице сияла все та же радостная улыбка. Потом они все дружно скрылись из поля зрения.

Стук в дверь отвел мой сонный взгляд. Неужели это они?

– Кто там? – поинтересовался я.

– Догадайся, – раздался ответ.

В нерешительности я всё же подошел к двери и открыл ее. Девушки застенчивой, замерзшей походкой, подобно утятам, проследовали цепочкой в комнату. Я мысленно помолился о том, чтобы хозяйка магазина, над которым я снимаю

комнату, не заметила этого.

Гости уселись на кровать и стулья, прижавшись друг к другу, стараясь согреться.

– Вы что здесь делаете? – поинтересовался я.

– Просто гуляли, – ответила Сагита, улыбаясь. – У тебя тут так холодно.

Опомнившись, я решил развести огонь в камине. Хорошо, что дровами я запасся накануне. Чуть позже стало теплее, и девушки постепенно подтянулись к огню поближе.

– Ты же сказала, что не бываешь в этом районе.

– Что ты пристал? Я же сказала – мы просто гуляли.

– В такое раннее время? – удивился я. Часы показывали половину шестого утра.

– Ой, перестань, папочка. – После этих слов вся команда дружно засмеялась.

Мне стало как-то не по себе.

– Ты тут живешь? – спросила меня одна из девушек.

– Да.

– Совсем один?

– Ну, в общем – да.

– Бедняжка. – Она улыбнулась и все опять захихикали.

– Вас не хватятся в пансионате? – тут же опомнился я и перешел в наступление.

– Не беспокойся об этом, – ответила Сагита. – Не в первый раз.

– А Жанна знает о твоих ночных похождениях?

– Да забудь ты о ней. – Девушка шлепнула меня по щеке ладонью и прыгнула на кровать.

– Я даже не знаю, что и сказать, Сагита...

– А ничего не нужно говорить. Ты и так слишком много болтал, пока был с ней. Теперь лучше слушай.

Я нервно провел руками по небритому лицу.

– Мне даже нечем вас угостить, – произнес я чуть позже.

– Не беспокойся об этом, – сообщила мне одна из девушек.

Они все смотрели на меня с таким умилением, что я готов был растаять, превратится в гнусную лужу и позволить их чудесным босым ножкам топтать мое тело до скончания веков. Я решил закурить сигарету.

– Веришь в случайности? – спросила меня Сагита.

– Не знаю. Всё всегда случайно происходит.

– И то, что мы пришли сюда, тоже случайность?

– Какие-то странные разговоры. Мне сейчас не до этого, прости.

– Ничего страшного.

Она наклонилась ко мне чуть ближе, ее лицо находилось на уровне моего, и капелька дождя так чарующе дрожала на ее подбородке. В глазах бесились блики от костра. Сагита дотронулась до моей щеки рукой, и улыбка резко пропала.

– У тебя кровь, – произнесла она.

Я удивился такому замечанию. Но потом заметил во рту странный, отдающий железом привкус. Кровь тонкой струй-

кой капала с моих губ на пол. Как странно, что подобной несуразицы я даже не заметил.

– Что с тобой?

– Я не знаю. – Мои слова пропали в кровавом комке слюней, переполнявших рот.

Затем резкая боль сковала все мое тело и скрутила так сильно, что я рухнул на пол и сложился пополам. Живот напоминал мягкую подушку, в которую одновременно вонзили сотни игл. Но я не хотел кричать, и пугать этим всех девушек, а также хозяйку квартиры. Крючась и страдая от невыносимой боли, судорожно хватал воздух губами, пытаюсь сохранить трезвость ума хоть на какое-то время. Сагита усе-лась передо мной на колени и что-то говорила. Ее размытые очертания я видел еще некоторое время, потом всё пропало.

Очнулся я спустя пару часов. Громко кашляя, кое-как поднялся с пола и осмотрел комнату. Она была пуста, огонь в камине практически затух. Девушки ушли, оставив после себя лишь слабые воспоминания. Но Сагита все еще была здесь. Лежала на кровати, лицом к стене, и мирно спала. Ее дыхание было настолько тихим, что казалось – всё вокруг находится в вакууме. Я подошел к ней, улегся на край кровати и обнял ее маленькое, теплое тело. Волосы пахли дождем. Этот запах радовал меня, приводил в чувства. Она осталась рядом, побоялась оставить одного, умирать, за это я был ей безмерно благодарен.

Кровавая лужа на полу практически засохла, но все еще

выглядела шокирующе.

– Спасибо, – прошептал я пустоте.

Девушка обернулась и каким-то домашним, непонятным мне уютом подарила несколько мгновений теплоты.

– Это было странно, ты понимаешь?

– Да.

– И почему это случилось?

– Прости, на какое-то мгновение я потерял равновесие.

– Не делай так больше. Мне было страшно.

Мы лежали, смотря в глаза друг другу, и мне казалось, что рушатся все стены. Комнату вновь начинает затапливать водой. На этот раз погружение было неизбежным. Я медленно сползал, ухватившись руками за руки Сагиты. Они становились холоднее, становились безжизненными. Просто руками фарфоровой куклы, но даже в тот момент я был уверен, что они смогут вытащить меня из пучины.

– Главное – не захлебнись, – улыбнулась она и, поднявшись с постели, предложила где-нибудь перекусить.

5.

В кафе, что находилось на соседней улице, было безлюдно. Мы просто сидели за столиком, друг напротив друга и ели салаты, запивая их кофе. Я старался особо не придавать значения тому, что произошло в квартире, но скрыть своего собственного замешательства по этому поводу получалось скверно.

Сагита попросила закурить, чем вызвала волну негодования у меня в душе, но машинально я все же протянул ей сигарету и спички.

– Благодарю, – ответила она и закурила.

Мне не хотелось много говорить. Можно даже было сказать, что я окончательно устал от всего, что происходило в моей жизни. Просто доедал салат, смотря себе в тарелку и молился о том, чтобы запах разлагающегося тела не появился вновь.

– Ты себя хорошо чувствуешь? – поинтересовалась девушка через некоторое время.

– Да, всё нормально.

– Ты какой-то бледный. – Она потрогала мой лоб своей рукой. – Температуры вроде бы нет.

– Со мной все хорошо, не беспокойся. – Я постарался улыбнуться, чтобы обозначить бодрость духа. Получилось фальшиво.

– Знаешь, совсем не обязательно постоянно изображать из себя несчастного человека.

– Я не...

– Можно подумать – в мире нет никого печальнее тебя. – Девушка стряхнула пепел прямо на стол. – Что же такого произошло с тобой, что ты так стараешься выдавить из себя все хорошее?

– Не знаю, – промямлил я.

За окном вновь пошел дождь. Капли барабанили по витрине, разбегаясь в разные стороны тонкими струйками.

– Ладно, мне пора идти, – сказала она, глядя в сторону. – Я еще утром должна была появиться в пансионате.

– Тебя будут искать?

– Нет, не думаю. Просто нехорошо обманывать и заставлять кого-то переживать. – Сагита улыбнулась.

– Мне хочется навестить Жанну, – неожиданно вырвалось у меня из груди.

– С чего вдруг?

– Не знаю. Мне просто нужно с ней поговорить.

– Зачем? Не стоит ее беспокоить.

– Давай навестим ее? Сейчас. – Я как-то быстро швырнул деньги на стол, схватил за руку девушку, и мы выбежали из кафе.

Я не мог объяснить своего странного поведения, будто бы что-то внутри меня заставило совершить эти действия. Ноги сами несли уставшее тело вдоль по улицам, мимо домов,

постепенно загорающихся фонарей, мимо редкого количества людей, бесцельно бредущих по своим делам. Девушка бежала рядом, изредка стараясь вырваться из мертвой хватки. Наконец, пробежав половину квартала, мы остановились на трамвайной остановке.

– Что это было? – возмущенно крикнула она, все же вырвавшись из-под моей власти. – Какого черта ты так взбесился?

– Прости, я...

– Хочешь ее навестить – ступай один! Я-то тебя зачем нужна?

– Не знаю, я не хочу, чтобы ты уходила.

– И что? Теперь мне придется постоянно торчать рядом с тобой? Хорошенькое дело, дядя Том. Все, чего мне не хватало, – таскаться рядом с подышающим мужиком, который постоянно себя жалеет.

Я в порыве неопишуемого бешенства влепил пощечину Сагите. Она замолчала, прижимая ладонью обожжённую ударом щеку. Девушка смотрела на меня каким-то странным, отрешенным взглядом, словно этот жест преломил в ней последнее, что могло отделять ее от мира нормальных людей. Слез я не увидел, просто равнодушие и смирение.

Подъехал трамвай. Мы сели в него. Всю дорогу ехали молча, стараясь избегать взглядов друг друга. Странное чувство, когда два, казалось бы, родных человека в один миг стали находиться по разные стороны океана. Мне было стыдно за

свое скверное поведение. Хуже того – мне было трудно понять, почему именно я это сделал. Во мне таилась какая-то обида, какая-то ужасная злоба на все живое вокруг, словно ни одна душа не могла понять меня, и это причиняло мне муки.

Сойдя на нужной остановке, я словно очутился в прошлом. В полумраке эта улица казалась совсем другой, не такой, какой она мне запомнилась. Здесь не хватало жизни, не хватало тепла, каких-то приятных, мягких красок, которыми можно наполнить сознание любого, стоит только захотеть. Девушка взяла меня за руку.

– Не нужно туда ходить, – прошептала она.

– Почему?

– Там ничего нет.

– Как это нет?

– Вот так. Там все сгорело. Я не хотела тебе говорить. Ты ее так любил. – Она прижала мою руку к своей щеке, закрыла глаза и просто молчала.

– Что случилось?

– Все просто сгорело, в один миг.

Мы проследовали вдоль по улице. Я старался не слишком спешить, волоча за собой спутницу. Когда мы подошли к нашему дому, мои глаза не увидели ничего, кроме обгоревших развалин, тех, что еще когда-то я называл родным домом. Здесь все еще пахло пожаром, пепел кружил в воздухе, напоминая танец опадающих листьев. Невероятное и в то же

время пугающее зрелище. Дыхание сперло, я не мог даже пошевелить губами. Неужели Жанна умерла?

– Она погибла, Том, – произнесла Сагита, стоя позади меня.

Я медленными шагами, спотыкаясь о поваленные доски, двигался сквозь руины, в центр здания. Лестница, ведущая на второй этаж практически обвалилась. Здесь находились обугленные останки картин, каких-то вещей, старенькой, но приятной глазу мебели. Ветер безжалостно скитался по этому тихому месту, терзая мое пальто и мои волосы. Я подставил потокам воздуха лицо, закрыл глаза и на мгновение успокоился, почувствовав дыхание прошлого, словно в этом ветре застыл запах Жанны.

– Собственно, именно поэтому я и переехала в пансионат. – Сагита уселась на уцелевший стул, обхватив свои плечи руками. – Как-то, под утро, я пришла домой, а тут это. Мне сообщили, что пожар начался сам собой, без видимых причин, словно кто-то извне пробрался в дом и совершил весь этот ужас. Они спали, просто спали и сгорели во сне. Я не видела их тел, меня увели отсюда, но вот теперь мне кажется – я слышу их крики. – Она сделала паузу в словах и опустила голову вниз. – Это ведь так страшно даже не понимать, что ты умираешь.

Я закурил папиросу, закутался в пальто потеплее и подошел к девушке.

– Да, это и вправду страшно. Я даже не знаю, что теперь

делать.

– Уже почти год прошел. Ты не мог этого знать.

– Так вот почему ты ничего не писала? Да и я, как последний слепец, не ведал о таком горе, просто жил в своем мире, совершенно позабыв о тебе, о доме, обо всем, что было раньше. – Я готов был разрыдаться, но чувствовал, что слез во мне уже не осталось. – А что Руфус? Он мог знать об этом?

– Да, он помог оплатить их похороны.

– И ничего не сказал... Хотя его я тоже давно не видел.

После того, как...

– После чего?

– Не важно, – ответил я, стараясь не будоражить в памяти воспоминания о той злополучной квартире и ее хозяйке, носившей траур. – Ладно, нам пора идти.

Я помог ей подняться на ноги, она попросила у меня закурить, я молча исполнил её просьбу. В момент эта сцена напомнила мне о войне, о том разрушенном здании, о той девушке, над которой бесстыдно надругались неизвестные мне люди, о ее глазах, о моем чувстве стыда. Это все лавиной обрушилось на меня, ударило в самое сердце, заставило задрожать руку, державшую спички. У меня сложилось впечатление, что я здесь был всегда, среди этих обломков, этого пепелища, пропахшего смертью. Сагита предстала передо мной в совершенно другом образе, и мне стало плохо.

– Прости меня, – тихо прошептал я, все еще смотря на ту несчастную девушку, которой так и не сумел помочь в годы

ВОЙНЫ.

Глава 4. Я не здесь

1.

Я никогда бы не захотел возвращаться в это место. Здесь пахло смертью, самой настоящей, с кусками оторванной плоти, грудой кирпичей, что еще когда-то были зданием школы. Они оставили после себя несколько повешенных тел. Детских тел. Их просто повесили за шею, под самый потолок, потом подожгли, предварительно облив всю одежду бензином.

Здесь все еще был слышен плач невинных жертв. Он словно отскакивал от стен и проносился по всем коридорам одним нескончаемым потоком.

Я закурил папиросу, сдвинув каску на затылок. Мне было жарко. Другие солдаты из нашего отряда беспорядочно разбрелись по всему зданию, осматривая комнаты и прихватывая с собой ценные вещицы. Топот их грубых сапог периодически выводил меня из состояния прострации.

– Разве можно так? – раздался голос за моей спиной.

Он принадлежал молодому солдату, на пару лет младше меня, который с болью в глазах рассматривал жуткую картину смерти.

– Сколько их тут?

– Не знаю, не считал. Думаю, около тридцати, – сухо отозвался я.

– Матерь божья. Тридцать детей. Для чего им понадобилось истреблять целый класс?

– Они просто забавлялись.

– Забавлялись? – Он переспросил, с какой-то грубой интонацией.

– Здесь многое происходит ради забавы.

– Больные ублюдки.

– Мне кажется – мы не сильно отличаемся от них.

Солдат попросил у меня закурить, после чего рассказал мне историю о том, что его младший брат все еще ходит в школу и что он искренне надеется на его благополучие. Звучало трогательно, как-то с любовью и по-домашнему, но я наслушался подобных речей от каждого из своего отряда. Поначалу ты стараешься сохранить в себе человека путем вытаскивания наружу сладких воспоминаний, но по прошествии некоторого времени стирается всё, и даже такие обрывки памяти уже не в состоянии разбудить в тебе какие-либо чувства.

Я никогда не забуду этих мертвых детей, тела которых встретили нас на подходе к городу.

Ближе к вечеру мы устроились на привал. Шел дождь, он беспощадно проникал сквозь дырявую крышу и обрушивался на нас. Кто-то играл на губной гармошке, травил анекдоты и просто жевал засохший кусок хлеба. Объединившись

в единое целое, мы представляли собой обыкновенное семейство, собравшееся за ужином у костра. Было сыро и прохладно, но, если закрыть глаза и представить вокруг себя яблочный сад, листва которого орошается свежестью вечернего дождя, становилось не так мерзко.

Мне грезился дом, мои родители, которые изредка писали мне письма и еще реже получали ответы на них. Мне грезилась жизнь, которой я буду жить, когда вернусь с войны. Интересно, какой она будет? Кого увижу я, вернувшись на родину? Смогу ли я найти достойную работу, завести семью, почувствовать себя нормальным человеком? Эти слюнявые, романтические вещи кубарем пробегали по ступенькам моего сознания, бодрили, но в то же время заставляли грустить. Предавшись подобным мыслям, я медленно засыпал, укрывшись дырявым пледом.

Мне снился сон, в котором спящий город был полностью объят вязким, непроглядным туманом. Я старался ступать как можно тише, не привлекая ничьего внимания. Правда, людей здесь не было, они просто испарились, превратившись в белую пелену. Странно, но мне не было страшно. Напротив, тепло проходило сквозь всё мое тело, успокаивая некогда бушующее пламя сомнений и негодований. Наверное, это был рай, если он, конечно, существует. Ни на что не похожее место, пронизанное атмосферой сновидений.

Так я и брел, вдоль по улице, сжимая в руке винтовку.

Затем я заметил впереди себя небольшой садик, в центре

которого находился пруд, заросший кувшинками. По берегам росли ивы, склонившиеся до самой кромки воды. Раннее утро обдало меня своей свежестью, окутало этим сладостным мгновением, и я растаял. Зеркальная поверхность пруда напоминала мне небо, такой необъятной она казалась. Остановившись и опустив глаза, я принялся рассматривать свое отражение, как вдруг заметил, что капли крови редкой чередой обрушились на водную гладь. Затем меня обхватили нежные женские руки, и я почувствовал, как ко мне прильнуло чье-то хрупкое тело. Потом я услышал смех, такой короткий, искренний, завлакивающий мое сознание в какие-то серые сады, из которых невозможно найти выхода и точно так же невозможно сопротивляться. Небольшой напор – и мы оба упали в воду, на самое дно, к рыбам, к обитателям водных глубин.

А когда утром я проснулся, я заметил, что нахожусь в отдалении от своего отряда, одежда имеет потрепанный вид, на лбу выступила испарина. Повернув голову в сторону, я увидел сидящую на старом письменном столе девушку. Ее колени и локти были ободраны, на губах виднелись капли крови. Она вся дрожала, стараясь не смотреть на меня. Описанию не поддавались все мои ощущения. Как я здесь оказался? Кто она? И почему так боится моего взора.

– Где я? – раздался мой голос.

– Тебе было хорошо? – только и ответила она.

– Не понимаю, о чем ты.

Повернувшись ко мне, она украдкой продемонстрировала мне свои бедра, по которым струился ручеек крови. К горлу подкатила тошнота.

– Тебе было хорошо? – переспросила она.

– Но я не мог, я же... – ошеломленный отвечал я. – Ты в порядке? Я просто не знаю, как такое могло случиться? Как мы сюда попали? Кто ты?

Девушка, чьи волосы были вымазаны грязью, попыталась встать на ноги, но не смогла. Она была невероятно слаба. В голове не укладывался тот факт, что ей казалось, будто бы я мог сотворить с ней такое. Каким монстром нужно быть, чтобы притащить беззащитного ребенка в старую школу, надругаться над ней и после этого напрочь забыть все подробности содеянного. Мне хотелось прикоснуться к ней, понять, что она реальна, что это все не сон. Я вытянул вперед руку, но девушка с ужасом отстранилась.

– Не бойся, я не причиню тебе вреда. – Сказал я, пытаюсь улыбнуться.

– Я уже не боюсь, – только и сказала она.

Потом девушка попросила у меня закурить, я полез в карман за папиросами, мысленно извиняясь за свое поведение. И где, черт возьми, весь мой отряд? Куда он подевался? Как они смогли допустить такое?

Подойдя к несчастной девочке ближе, я протянул ей папиросу. Ее глаза замерли на уровне моего лица. По телу пробежал холодок.

– Я ждала, когда ты проснешься, – только и произнесла она.

2.

Сагита сидела напротив меня, опустив голову. Мерзкий дождь все еще неустанно проливался с неба, и вскоре на дорогах образовалось большое количество луж. Они странным образом напоминали мне озера, окруженные со всех сторон непроходимыми лесами и горами. Время от времени вода переваливалась за край, проникая на соседние лужи, принимая на свою поверхность всякий мусор.

Я заметил, что девушка продрогла. Мы провели на улице достаточно много времени, чтобы успеть подхватить простуду от этой противной сырости. Странно, что я об этом раньше не побеспокоился.

– Мне холодно, – прошептала она, обнимая себя за плечи.

Сагита была одета в легкое платье, с голыми плечами. Волосы прилипли к лицу, тушь растеклась по щекам. Я машинально протянул ей своей старое пальто, сам остался в одной рубашке.

– Держи, – сказал я. – Так будет лучше.

– Может быть, мы пойдем пешком? – предложила девушка, принимая дар.

– Слишком долго идти. Мне кажется, ты устала.

– Мы уже полчаса сидим здесь и ждем трамвай. Я просто не понимаю, за каким чертом нужно было сюда вообще приезжать?

– Не злись. Мне было необходимо увидеть Жанну.

– Откуда такая острая необходимость? – Она шмыгнула носом.

– Не знаю. Я словно почувствовал что-то. Знаешь, как озарение. – Я попытался улыбнуться, но девушка отвернулась в сторону.

– Ты странный, Том.

Я и сам понимал это.

Что мы делаем? Сидим на пустой остановке, кое-как укрываясь от холодного дождя. Промокли до нитки, обозлились друг на друга. И всё это ради чего? Ради удовлетворения моих желаний? Жалкий, эгоистичный мерзавец, притащивший несчастную девочку на другой конец города. Складывалось такое впечатление, что меня здесь вообще быть не должно, собственно, как и Сагиты. Словно мы уснули и очутились в этом сумбурном кошмаре, так похожем на реальную жизнь.

Но на самом деле я и был не здесь, не с этой девушкой, не в этом городе. Вернее, город был тем же, только он был соткан из странных клочков моей фантазии. Протягиваешь руку – и всё рушится, как будто какой-то архитектор неправильно сложил все кирпичи и получилось ужасное подобие жизни. Я вновь уловил запах вони, разлагающегося тела. Даже этот дождь не в силах остановить это безумие, смыть столь отвратительный смрад.

Через какое-то время Сагита, уставшая ждать трамвай,

поплелась вдоль по улице. Она напоминала тень, прошедшую мимо так незаметно для глаза, словно сон.

– Подожди, – окликнул ее я и пошел следом за ней.

Это напомнило мне ранние годы, когда точно так же я сопровождал девушку домой, из школы. Теперь она выросла, стала совсем другой, стала настоящей женщиной, привлекающей своей красотой любого мужчину. Я плелся сзади, стараясь скрыться от своего унижения, и молил бога о том, чтобы Сагита не обернулась и не заметила меня, такого жалкого, гниющего и ничтожного.

– Я хочу есть, – сказала она. Половину фразы унес ветер, но мне всё же удалось понять смысл.

– У меня с собой нет денег.

– Как же ты собирался расплачиваться за проезд в трамвае?

– Не знаю.

– Мы нужно попасть в пансионат. Меня там ждут.

– Ты знаешь адрес?

– Да, но не помню, как туда добраться. – Она остановилась, подняла воротник пальто повыше и обернулась. – Это напротив почтового отделения. Знаешь такое?

Я подумал с минуту, затем утвердительно кивнул.

Мы отправились туда пешком. Через некоторое время Сагита пожаловалась на головную боль и резкую усталость. Она теряла силы, подтачиваемая одолевающей ее простудой. Взяв девушку на руки, я добрался до ближайшего бара.

Внутри было тепло и сухо. Несколько мужчин распивали спиртные напитки, косо поглядывая в нашу сторону. Я усадил девушку за стол, заказал чая с медом и несколько сосисок с картофелем.

– Сагита, подожди меня здесь. Никуда не уходи, ладно?

Она дрожала, стуча зубами.

– Хэй, ты слышишь меня? Сиди здесь, сейчас принесут еду. Подкрепись и согрейся, а я сбегаяю к Руфусу, одолжу у него несколько монет. Он живет здесь, неподалеку. – Я аккуратно похлопал ее по щекам, девушка открыла глаза и утвердительно кивнула головой.

Потом я попросил официанта присмотреть за моей племянницей и выбежал на улицу.

3.

Воздух был свежим, стояла прохлада, и моё тело продрогло до костей. Дождь практически прекратился, лишь редкие капли лениво стучали по крышам домов. В этом непонятном, полусумрачном свете я быстрыми шагами направился в сторону дома Руфуса.

Все вокруг замерло, все еще больше стало напоминать выдуманный пейзаж, жалкое подобие реальности.

Я ощутил себя маленьким, невинным ребенком, слепо бегущим навстречу неизвестности, спотыкающимся и размазывающим слезы по румяным щекам. Где-то там была мать, которая просто обязана была идти мне навстречу. Улыбаясь, совершенно не зная о том, что ее чадо несется по пустынным улицам, вытянув руки вперед, озираясь по сторонам, проговаривая про себя какие-то невнятные слова.

На мгновение ребенок практически ослеп, его поглотила тьма. Скромные пятна света, появившиеся от уличных фонарей, изредка помогали ему прийти в себя, сконцентрироваться и продолжать путь. Куда же он направлялся? В голове был только образ, знакомый силуэт, который, подобно спасительному плоту, должен был появиться на горизонте. Но его не было.

Иногда мне кажется, что я так и остался стоять, совсем один, поглощенный мраком. Маленький ручки сжимались в

кулачки, а поднятые к небу глаза улавливали слабые очертания нелепых, корявых облаков, проплывающих мимо. И ребенку было плохо. Ощущение вины, какой-то нелепой, глупой вины, из-за которой ему было страшно до одури, поедало его, заставляло сердце стучать чаще.

А что, если он пошел не той дорогой? Что, если мама уже дома, ждет его? Что, если всё, что он когда-либо делал, напрасно? Кто укажет ему верный путь и возьмет за руку, выведет к свету и никогда не оставит в одиночестве? На эти вопросы он не мог себе ответить, только выдумать. Выдумать всё – прошлое, будущее и настоящее. Огородиться, запереть в себе эмоции. Все. И просто бежать, ведь пока ты двигаешься – ты что-то делаешь. Ты живешь. Необязательно даже думать при этом, главное – куда-то идти, нестись сломя голову, выветривая из сознания любые, даже самые скверные опасения.

Когда я остановился на углу улицы и оперся рукой о стену дома, я вдруг осознал, что всю жизнь куда-то бежал и продолжаю делать то же самое.

Фонарей не было. Звезд тоже. Маленький мальчик прошел мимо меня, прокричав сквозь слезы «мама», и исчез. Я некоторое время смотрел на то место, где он стоял и глубоко дышал. Обернувшись, я понял, что заблудился, как тогда, в ту ночь, когда, возвращаясь из бара, забыл, где мой дом. Руфус не ждал меня, но, возможно, в прошлом меня ждала мисс Палет. Каждый день она играла мелодию, знакомую

мне с детства, которую я так и не смог вспомнить. Эти ноты пробивались сквозь пелену жизни, старались вырвать меня из прострации, в которую я сам себя загнал, но что-то не позволяло им этого сделать. Что-то сдавливало мое сердце и разум, не пуская туда любое проявление заботы.

Ждала ли меня Сагита?

Обернувшись назад, мне вдруг стало страшно, что я больше никогда ее не увижу. Никогда. Она не будет странным, невнятным силуэтом моих кошмаров, о котором я редко вспоминал. Внезапно она стала для меня всем, превратилась в спасение, исчезнувшее спасение, и оно ускользало сквозь пальцы. Я сам его оставил, забыл, потерял.

– Том, – вдруг услышал я слабый, еле заметный голос.

– Сагита? – прошептал я.

– Том, где ты? – голос становился громче, он выплывал из смоляной темноты.

Я пошел ему навстречу, стараясь не упустить ни малейшего шороха. Сагита стояла неподалеку, на другой стороне улицы. Просто стояла, прижав руки к груди, и дрожала. Мокрой, ей так и не удалось обсохнуть и согреться.

– Что ты тут делаешь? – спросил я.

– Я шла за тобой. Мне холодно.

– Ты должна была ждать меня в баре...

– Я не хочу там сидеть, одна.

– Сагита, это неправильно. Ты замерзнешь, простудишься...

– Том, пошли домой. – Она все еще стояла на другой стороне, совсем одна, такая маленькая и такая несчастная.

– Сейчас, я к тебе подойду, не уходи...

Я прибавил шагу, и внезапно нас разделил трамвай, который с шумом выполз откуда-то сбоку. В окнах я заметил слабый свет, там находились люди, много людей, буквально толпа. Мертвые, бледные лица смотрели в мою сторону. Они белой маской буравили меня глазами, а их изъеденная, гнилая кожа напоминала сырую землю. Трупы оставили после себя невообразимый смрад, который окутал мое тело с ног до головы.

Когда трамвай исчез из поля зрения, я подбежал к Сагите и обнял ее. Девушка отшатнулась в сторону, ее вырвало.

– Что с тобой? – озабоченно поинтересовался я.

– Боже, какой смрад! Что это? – Она плевалась желтой жидкостью, согнувшись пополам.

– Это трамвай... – отозвался я, понимая, насколько глупы будут обоснования моих галлюцинаций.

– Этот запах, он исходит от тебя.

– Что?

– Боже, Том. Это ужасно!

Я отошел в сторону, смущенно озираясь по сторонам. Какая болезнь меня постигла? Почему гниль поела тело изнутри? Мне не хотелось находиться здесь, на этой улице, среди этих домов и рядом с этой девушкой. Медленно опустился на тротуар, встал на колени и, закрыв лицо руками попы-

тался успокоиться. Сагита стояла напротив, обозлившись на весь белый свет.

– Какой же ты жалкий, Том. Что с тобой происходит? Возьми себя в руки. Мне холодно. Забери меня домой. Встань –и пойдем домой! – Она кричала, но слова отскакивали от меня в разные стороны. – Том, ответь мне! Том!

Девушка упала на колени возле меня, попыталась обнять, но невообразимая вонь моего тела вновь отшатнула ее в сторону.

Я потерялся. Бешенство волной накрыло меня. Схватив Сагиту, я прижал ее к своей груди, схватит слишком крепко. Она не могла дышать, она не могла сопротивляться, она просто пребывала во власти моей воли. Когда волна отхлынула, ее тело обмякло. На губах застыла желтая струйка слюны, а глаза закрылись. Девушка казалась спящей, по-настоящему спящей глубоким непробудным сном. Ее грудь не поднималась вверх, дыхание пропало, а я просто держал ее на руках, после чего опустил на тротуар.

В животе начался пожар, настоящая вакханалия, словно кишки вытаскивали наружу сквозь зверски рваную рану. Закричав что есть сил, я рухнул рядом с бездыханным телом, корчась от боли и ужаса содеянного. Мне не хотелось жить, и поэтому я ногтями начал раздирать кожу возле пупка. Почувствовав кровь под ногтями, эту маслянистую субстанцию, я на мгновение остановился. Поднеся ладони к лицу, я ужаснулся – они превратились в сгусток алого вещества,

который в этом сумраке казался еще более отвратительным.

Так мы и лежали рядом, бедная маленькая Сагита и ее учитель, с огромной рваной раной в брюшной полости.

На небе появились звезды, и вдалеке раздались чьи-то шаги. Приближалась разговорчивая компания людей, ненужных зрителей, которые могли себе вообразить бог весть что.

Совсем не оставалось времени на размышления. Эти прохожие запросто скрутили бы меня, избили, придали народному суду и в конце концов повесили бы на фонарном столбе, как жалкую, вшивую дворнягу. Изверги, какими я их видел. Именно поэтому мне пришлось подняться на ноги и неуклюжими движениями удалиться в сторону, в арку, что соединяла эту улицу с жилым двором. Там никто не станет меня искать. Подобно монстру, жалкому существу, от которого разило смертью и тухлятиной, я спрятался в темноте, затаив хриплое дыхание.

Спустя некоторое время компания наткнулась на тело девушки. Раздались взволнованные голоса, кто-то побежал до ближайшего полицейского участка.

Ветер лезвиями прошелся по моей продрогшей коже. Согнувшись пополам, я отгородился от всего происходящего вокруг, не в силах дать вразумительно объяснение происходящему. Мне казалось, что со мной раньше уже такое было, что я уже подвергал жизнь чужого человека опасности. Это было на войне, но там оно себя и похоронило. А я был здесь, среди этих кирпичных стен, отдававших плесенью, как

в склепе, в который не проникает ни один лучик солнца. Голова пошла кругом, захотелось пить. Опустив взгляд вниз, я понял, что из раны вытекло достаточное количество крови, что бы сыщики смогли вычислить меня по горячим следам.

Аккуратно встал на ноги, стараясь не шуметь и поковылял куда-то в сторону. Там, позади раздался шум приближающихся автомобилей. Полиция, скорая помощь. Толпа зевак, появившихся непонятно откуда. А что, если все это время вокруг нас ходили люди, которые видели весь этот ужас, а я просто блуждал по коридорам своей реальности, поглощённый пеленой забвения, и не замечал прохожих. Такое вполне может быть. Они шарахались в сторону от протухшего куска мяса, который уныло брел вдоль по улице, совершенно бесцельно. Наверное, именно так и рождается страх. Он пробуждается где-то в глубине, и постепенно становится сильнее, мощнее, и поедает каждую клеточку тела. Может быть всю жизнь я боялся чего-то и именно поэтому стал превращаться в труп? Этому трудно было найти объяснение.

Но так или иначе свою Сагиту я оставил в стороне. Она замерзала на грязной мостовой, с задранном от ветра платьем. Мое пальто пропиталось кусочками рвоты и теперь служило ей погребальным саваном. Надеюсь в карманах я ничего не оставил?

Потом силы меня покинули, и я рухнул куда-то на землю, совершенно не осознавая происходящего.

4.

Демон ликовал. Танцевал и размахивал своими корявыми руками. Он жил во мне всегда. Он дарил мне безразличие, ненависть и озлобленность, которую я умудрялся таить в недрах себя очень долгое время. Теперь этот самый демон умер. Погиб, вместе с телом. А куда же тогда подевалась душа? И была ли она вообще? Вернулся ли я с войны или всё еще прибывал там? Всё еще слышал вой ветра, свист пуль и голос девушки, которую безжалостно изнасиловали на моих глазах. Теперь я даже не был уверен в том, что сам не принимал в этом участие.

Открыв глаза, я понял, что нахожусь в каком-то странном, тихом помещении. Пахнет ладаном, полумрак, шторы, должно быть, задернуты. Мне очень тесно лежать, что-то мешает двигаться. Приложив некоторые усилия, я понял, что заперт в каком-то ящике. Потом я услышал слабые голоса.

– Так, через десять минут выносим, – произнес один голос.

– Черт, они говорят, что знают парня, – ответил ему второй голос.

– Да, они все из одного полка.

– Девчонку жалко.

– Что есть, то есть. Ты видел ее ножки? – усмехнулся первый.

– Отличные ножки. Там, кстати, куча ее подружек пришли. Проститься хотят.

– Заколачивай и потащили.

Раздались слабые, но уверенные удары молотком.

– Я боюсь, как бы она оттуда не выпала, – поделился своими опасениями один из голосов.

– Брехня, я на совесть сколотил этот ящик.

– Я ничего против твоих гробов не имею, просто будет забавно, если эта девчушка вывалится из него во время шествия.

– Закрой рот и забивай крышку.

Они продолжили свою работу.

Теперь я понял, Сагита находилась рядом, лежала в гробу, готовилась к погребению. За дверьми похоронного агентства стояла толпа друзей и, конечно же, оркестр, который готовился сыграть прощальную мелодию. Всё превратилось в фарс. И я каким-то образом оказался мертв, оказался заколочен в другом гробу и тоже ждал своей очереди.

– Так, ты мужика забил? – коряво осведомился голос.

– Да, не вывалится, – передразнил его второй.

– Тогда позови еще ребят, понесем их вместе, сэкономим время.

– Говорят, они родственниками были.

– Люди разное болтают. Стал бы родственник измываться над своей племянницей? Этот хрен изнасиловал ее и задушил.

Но насилия не было, я этого не делал. Они лгут! Нагло лгут! Хотя постой, я мог и забыть, мог вообще ничего не понимать.

– От него воняло, как от куска протухшего мяса. Страшно подумать, что такой червь мог пыхтеть над этой милашкой.

– Боже, меня сейчас вырвет, – сказал второй голос, и они оба удалились.

Удалились на несколько минут, чтобы позвать подмогу. Все вместе они подхватили наши гробы и вынесли на улицу. Я услышал женский плач, бесконечную череду сожалений и какой-то ненависти. Они все ненавидели меня. Даже Руфус, я слышал его голос. Он шел вместе со всеми, по этим узким улочкам города, и ненавидел каждую минуту нахождения здесь.

Нас просто провожали в последний путь. В тот момент я и представить себе не мог, как выбраться из подобной ситуации. Все эти люди видели во мне монстра, правда – мертвого, а по факту получается, что я жив, я в сознании и готов вырваться на свободу в любую минуту.

Ноги страшно затекли. Сколько времени я провел в этом наспех сколоченном гробу? И где же шелк, где же бархат? Я хотел быть погребенным в уютном, беззаботном состоянии. Почему теперь всё так сильно изменилось.

Оркестр играл какой-то корявый марш, скорее напоминающий военный, нежели похоронный. Слышались суровые солдатские голоса, называющие друг друга «сержант», «ка-

прал» и прочее. Кто-то уронил винтовку, этот звук я ни с чем не мог спутать. За годы службы она стала мне как третья рука. Маслянистый запах, плохо передергивающийся заговор, но отсутствие осечек.

Так нас и несли. Было время, чтобы подумать, но думать ни о чем не хотелось. Весь этот сюрреалистический бред неровным почерком укладывался в тетрадку моей действительности. Странное ощущение, когда ты никак не можешь проснуться. Когда всё вокруг настолько необычно, что ты даже не в силах поверить в любую, даже самую крохотную долю вероятности. Пока меня тащили к яме, я уже извинился перед всеми за свои деяния, за свою трусость и безразличие. Боялся ли я страшного суда? Не уверен. Возможно, там меня ничего не ждет. Просто ящик опустят в могилу, засыпят землей, и завтра город проснется в привычном для него ритме.

Размышления прервала бранная ругань:

– Твою мать, Рэндол! Какого черта ты наделал?

Я услышал треск – очевидно, кто-то из нёсших гроб дал слаbinу и опрокинул его на землю. Гроб раскололся, и теперь несчастные женщины убиваются в негодовании и горе, стараясь заставить мужчин поднять тело девочки.

Не в силах больше терпеть этот кошмар, я принялся раскачиваться из стороны в сторону, пока мои носильщики не проделали тот же самый трюк и с моим гробом. Рухнув вниз, я почувствовал, как деревяшки поддались, и я смог распра-

вить плечи. Ногами выбил несколько досок, и, раскурочив весь ящик, я всё же вырвался на свободу.

Какового же было мое удивление, когда в сумбуре событий я заметил вокруг себя солдат, одетых в грязную полевую форму. На головах у некоторых были каски, а в руках они держали те самые военные винтовки. Они смотрели на меня ошарашенным взглядом, а я точно так же смотрел на них. Одежда на мне была покрыта коркой засохшей крови, все тот же полевой мундир, армейские сапоги и белая рубаша, торчавшая снизу. Потом взгляд мой пал на гроб, в котором покоилось тело Сагиты. Лица я не видел, его скрывала вуаль, видел только руки и черное платье, в белый горох.

Несколько женщин пытались поднять тело, кто-то в бессилии стоял в стороне, утирая слезы. Выхватив у одного из солдат винтовку, я просто подхватил тело девушки, взвалил его себе на плечо и подался в сторону.

Лица окружающих меня людей выглядели невероятно бледными, словно не я, а они умерли. Руки были опущены, настоящее смирение, как будто бы никто из них не желал воспрепятствовать моему поступку. Тем не менее я развернулся и побежал в сторону пристани, все той же дорогой, которую хорошо изучил.

– Сагита, сейчас, подожди чуть-чуть, – только и повторял я.

Над водой стелился легкий туман. Сквозь серые тучи пробивалась заря, и к берегу подплывали кувшинки. Слышался

крик чаек, они всегда летали в этом месте слишком низко.

К счастью нас ждала лодка, не слишком большая, но зато с двумя веслами. Обернувшись, я заметил, что похоронная толпа постепенно настигает меня, напоминая безмозглых, зомбированных трупов. Казалось, они не в силах были понять происходящего и силились оставаться в сознании, чтобы досмотреть спектакль до конца.

Я опустил бездыханное тело девушки в лодку, сам прыгнул туда же. Лодка качалась на волнах и чуть было не перевернулась, но мне удалось удержать ее равновесие. Потом я принялся грести так быстро и так старательно, как прежде никогда этого не делал. Мышцы напряглись, в голове пульсировала вена, легкие сжигали кислород как топливо. Вскоре берег, а с ним и незваные зрители стали исчезать из виду, скрываясь за пеленой тумана.

Очувившись в полной изоляции и совсем выбившись из сил, я отпустил весла и расслабился.

Водная гладь нежно покачивала лодку, я видел, как мимо нас проплывают медузы, такие скользкие и большие. Во внутреннем кармане мундира я нашел пачку сигарет, залитую кровью и спички. Мне повезло. Закурил и слегка успокоился.

– Дай мне тоже, – сказала девушка.

Она уселась напротив меня, все еще закрывая свое лицо руками. Парад воскресших мертвецов продолжался.

– Я не знаю где мы, понимаешь?

– Это не важно.

– Черт, я просто не понимаю ничего. – Склонив голову, я глубоко вздохнул.

– Тебя здесь нет, Том. И меня нет. Здесь никого нет.

– Мне кажется, я просто сошел с ума, вот и все, – сказал я и улыбнулся. – Это меня бы вполне устроило.

– В это трудно поверить, да? – Она курила, касаясь рукой воды. – Такая холодная.

– Я не знаю, что делать дальше, куда плыть... Они будут нас искать.

– Кто?

– Эти люди, эти военные. Черт! Я не знаю, кто они и как тут появились. Просто нужно поскорее отсюда выбираться, слышишь?

Она улыбнулась. Я видел ее улыбку. Сочетание всех улыбок мира слились в одной улыбке. Сквозь черную вуаль я наблюдал за лицом, которое было предназначено для солдата, погибшего на войне. Морской бриз трепал мою одежду и ее платье, даруя время от времени ощущение реальности.

– А может, хватит убегать? – спросила девушка. – Ты постоянно куда-то спешишь, от чего-то уходишь. Ты уже давно прикован к месту, и ты не сможешь продвинуться дальше ни на шаг.

Она пододвинулась ко мне ближе. Мы встали друг напротив друга.

– Том, просто остановись. Это все слишком сложно для

понимания. Расслабься, успокойся. Ты не здесь, Том.

5.

Не здесь...

Я понимал эту фразу, но в то же самое время не мог в это поверить.

Старая, разрушенная школа и та девушка, что попросила у меня закурить. Я поднес ей папиросу, стараясь успокоить ее и успокоиться самому. Мне это было просто необходимо. Нас разделяли считанные сантиметры. Одной рукой она нежно обхватила мою руку, а другой со всей дури вонзила осколок стекла мне в брюхо.

Я почувствовал, как внутри что-то надломилось. Стало тошно, стало слишком холодно и страшно. Ее смиренное лицо прошибла искра испуга. Она не простила моего бездействия, моего безразличия. И какая к черту была разница, кто надругался над этой девочкой, здесь был я, и я обязан был понести свое наказание.

Картинки вихрем пронеслись у меня в голове, всё, что было и всё что могло быть, – всё смешалось воедино. Подумать только, сколько всего интересного еще не случилось и уже никогда не случится. На этой войне я проиграл самому себе, своей невнимательности, которая разрезала мои внутренности на неравные куски. Теперь всё это будет гнить во мне, гнить, как гниет никому не нужная тушка, завалившаяся на солнце. И мой разум будет гнить вместе с этим, отравляя те-

ло, отравляя сознание, подсовывая ему ложные впечатления.

В порыве страха, машинально, я схватился за горло девушки и принялся сжимать его с невероятной силой. Она захрипела, пытаясь ослабить мою хватку. Наши взгляды встретились, и в ее зрачках я увидел безграничное море, окруженное туманом.

Так мы и стояли друг напротив друга, в лодке. Девушка убрала вуаль со своего лица и аккуратно провела пальцем по моим губам.

– Том, у тебя кровь идет, – прошептала она.

Кровь неровной струйкой текла по подбородку, заполняя мои легкие. Я смирился, как, впрочем, и всегда. Смотрел на неузнаваемое лицо Сагиты, лицо, которое я выдумал и лелеял этот образ столь долгое время. Остановившись на секунду, я умер. Это действительно страшное ощущение, когда все кусочки встают на свои места и ты понимаешь, что бессилён что-либо изменить. Всегда, в любой ситуации.

Поэтому я протянул руку вперед, прижал девушку к своей груди, и мы оба рухнули за борт лодки.

Вода приняла нас как родных. Мы погружались в самую бездну, в самую пучину небытия и забвения. Туда никогда в жизни не смогут пробиться солнечные лучи. В царство холода, в царство прекрасных неведомых созданий, проплывающих мимо нас. Наши лица стерлись, превратились в глину, из которой можно было слепить всё что угодно. Заново. Наши тела, уже бездыханные, опускались всё глубже и глубже,

и вскоре последние пузырьки кислорода лопнули где-то там, над нашими головами.

В своих снах мы часто совершаем настоящее путешествие, преодолевая невидимые преграды и разрушая выдуманные иллюзии. Когда сон кончается, нам не хочется возвращаться в мир спящих, нам хочется остаться в мире тех, кто бодрствует в своем сознании, в своем воображении, в своих глубинах безграничного моря, у которого нет названия.

В заброшенной школе нас обнаружили местные жители. Не сразу, спустя некоторое время. Моя кровь стала для нас мягкой пастелью, на которой мы оба уютно расположились.

Вскоре тело коснулось дна. Оно было песчаным, со множеством ракушек и каких-то невероятно густых водорослей. Здесь начнется новый виток жизни. Всё начнется заново. Я открыл глаза и посмотрел вверх. Кругом было темно, но что-то наподобие звезд появилось там, у самой поверхности воды. Оно двигалось, бесчисленным сияющим множеством, переливаясь от серебряного до пурпурных цветов. И на моем лице появилась улыбка.

Теперь никуда не нужно было спешить. Я вернулся. Я там, где мне самое место. Вода окутывает мое тело, словно одеяло, и на мгновение становится тепло. Очень тепло.